

КРИСТОФЕР ДЖ. ЭЙТС

Тайны,
страдания,
душевные муки
и хитроумные
ловушки...

THE TIMES

ОДНА ИГРА

ШЕСТЬ
СТУДЕНТОВ

ПЯТЬ УЦЕЛЕВШИХ

ЧЕРНЫЙ МЕЛ

Кристофер Эйтс

Черный мел

«Центрполиграф»

2013

Эйтс К. Д.

Черный мел / К. Д. Эйтс — «Центрполиграф», 2013

Шесть студентов университета в Оксфорде развлекаются Игрой, в которой наказание за проигрыш – исполнение заданий, связанных с болью и унижением. Отказавшийся от такого задания выбывает из Игры и теряет крупный залог. То, что кажется вначале молодым людям развлечением, приводит к трагедии – необъяснимому самоубийству одного из них. Остальные участники Игры считают себя виноватыми в гибели друга и не подозревают, что являются игрушками в чужих руках. Только посвященный в конечный замысел точно знает, почему и как все произошло в действительности...

© Эйтс К. Д., 2013

© Центрполиграф, 2013

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.	51
-----------------------------------	----

Кристофер Дж. Эйтс

Черный мел

Посвящается Марджи Потому что без тебя ничего.

Не верь художнику. Верь произведению.
Д. Г. Лоуренс

Copyright © Christopher J. Yates 2013

© Перевод и издание на русском языке, ЗАО «Издательство Центрполиграф», 2014

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

* * *

И(i). Он звонит рано. В Англии день начинается на пять часов раньше, чем у нас, и я машинально говорю «Алло» задолго до того, как мой день входит в колею. Может, поэтому я соглашаюсь со всеми его предложениями.

Не волнуйся, говорит он. Обещаю, будет весело.

Будет весело.

Пауза. Щелчок.

Да, точно так же мы много лет назад предвкушали Игру. Будет так *весело!*

После окончания разговора я еще долго прижимал телефонную трубку к груди. А потом подошел к окну и впервые за три года раздвинул шторы. Все-таки он меня нашел, выследил, у меня теперь пропала необходимость скрываться. Целых три года я прожил затворником: каждый день я находился в квартире двадцать три часа пятьдесят девять минут. Я – отшельник, стал белым, как мои кости, и волосатым, как власяница. Но теперь мне позарез надо окрепнуть: я просто обязан серьезно подготовиться к скорому приезду старинного друга.

Он, конечно, не случайно позвонил именно в этот момент – прошло ровно четырнадцать лет после нашей последней встречи, а через месяц и неделю мне, отшельнику, исполнится тридцать четыре года. И позвольте мне с самого начала заявить: мой рассказ послужит всем уроком, вернее, предостережением, вне зависимости от моего выигрыша или проигрыша. Таково мое признание.

Я стою перед окном и вглядываюсь в город. Грозовое небо, все цвета размыты. Сейчас середина апреля, Манхэттен, внизу по Седьмой улице мчатся машины с яростными стуками колес, по обочинам громко хлупает вода.

Я прижимаюсь лбом к стеклу. Если я хочу выиграть, мне срочно, еще до его приезда, нужно пережить метаморфозу. Я отправлюсь в путешествие выздоравливающего воина, как в фильмах про боевые единоборства. Это месяцы тяжелой работы перед матчем-реваншем – неудачник мужественно пытается вернуться на верхнюю ступеньку пьедестала почета. Из куколки отшельника появится гордый боец. Только для грядущей решающей схватки мне понадобятся не сила мускулов, а сила ума. Интересно, какая психологическая подготовка способна сравниться с бегом по бесконечным лестницам музея, избиением бычьих туш голыми

руками, пожиранием сырых яиц. Я принимаюсь мурлыкать себе под нос бодрящую песню для собственного воодушевления и неуверенно размахиваю кулаками в воздухе.

Наверное, начать надо с легкой прогулки.

Да, так я и сделаю! Отшельник готов выйти из своей кельи. И, возможно, его какое-то время не будет.

* * *

I(ii). Как ни грустно, на улицу я так и не вышел. Мне помешали стаканы – все шесть штук. Прошу, поверьте, они не оставили мне никакого иного пути.

Каждое утро я невольно удивляюсь – сколько же всего приходится держать в голове и как сильно приходится суетиться перед тем, как жизнь становится *жизнью*. Еда, питье, санитарно-гигиенические мероприятия. Особенно последнее. Каждый день я задаюсь вопросом: какова цель этих мероприятий – особенно для отшельника? Но я приучился доверять распорядку. Утрата веры в распорядок неизбежно приводит к чему-то плохому.

Я беру стакан с водой, и привычный распорядок в очередной раз меня спасает. Спасает от томительных мыслей об Игре, ненавязчиво подталкивает и возвращает в настоящее.

* * *

II(i). Чаду пришлось проявить чудеса мужества, чтобы подружиться с Джолионом,

Отобранные для годичной стажировки американцы, среди них и Чад, приехали в Оксфорд за неделю до первокурсников-британцев. В Питте первокурсников принято называть «первогодками» – хорошо, хоть слова похожие. После начала учебы Чад довольно быстро привыкнет к гораздо более интересным лексическим курьезам (уборщиков там называли «служителями», расходы на проживание – «судебными издержками», сессию – «семестровыми экзаменами»)...

Первую неделю Чад провел в одиночестве. Из-за странного характера он не подружился ни с кем из своих соотечественников. Он сам себе казался неотесанным, неловким и каким-то ущербным. Американских студентов было шестеро, их поселили всех вместе за рекой, в тесном доме ленточной застройки, откуда путь пешком до колледжа занимал минут пятнадцать.

Оксфордская стажировка была самым смелым поступком Чада. Он приехал в Англию на поиски приключений и потому не видел смысла проводить все время с соотечественниками-американцами. Ведь приключения – не напрасные поиски каких-нибудь особо изощренных блюд. Приключения – не свитер с названием университета и гербом на груди. Кроме того, истинный искатель приключений не ограничивается всего тремя словами в отзывах об архитектурных красотах: классно, круто, обалденно.

Чад понимал – в кругу соотечественников он ни за что не избавится от тех черт в себе, от которых давно мечтал освободиться. Он ненавидел свою застенчивость, манеру мямлить, краснеть и улыбаться тем людям, которых больше всего хочется послать подальше.

Правда, иногда собственная застенчивость казалась Чаду тайной защитой, вроде воинского забрала. А может, привычка отмалчиваться – единственное, что способно скрыть от окружающих твои худшие черты? А если застенчивость – просто проклятие и если он перестанет безмолвствовать, то его ждет другая, лучшая жизнь и другой, настоящий Чад?

Поэтому он дал себе зарок действовать, совершить нечто, до тех пор абсолютно ему несвойственное. НеЧадное. Раз уж он ухитрился отправиться на приключения, придется подтолкнуть себя еще разок. Он заставит себя подружиться с каким-нибудь студентом-англичанином. Ведь любая дружба – это тропа, а тропы всегда куда-то приводят. К другим дорогам, на

интересные места. Может, даже к лучшей жизни. А потом, если, конечно, ему удастся обрести новый мир, Чад примется обследовать его закоулки. Куда бы они, эти тропы, его ни привели.

* * *

II(ii). Чад рассудил: проще всего найти себе друга среди первокурсников. Главное – вступить в игру пораньше, до тех пор, пока студенты не начали объединяться в кружки, куда никак не проникнуть, и интриговать. Такой урок Чад усвоил после учебы в колледже Сьюзен Леонард. Там он и на первом курсе был одиночкой, и на втором почти ни с кем не общался. В начале третьего курса, когда объявили о заграничных стажировках, он тут же подал заявление в деканат.

Вот почему в конце своей первой недели жизни в Англии Чад целых два часа околачивался в четырехугольном дворе Питта. Шло время, и он чувствовал себя все более несчастным, а его временная решимость таяла с каждой секундой.

Да, за те два часа во дворе он видел нескольких первокурсников. Но они прибывали в Питт не поодиночке, как хотелось бы Чаду, а со свитой. Новичков окружали плотные группы родителей. Счастливым родителям приятно было еще немного подержать своих цыплят под крылышком, они стремились до последней минуты опекать любимых деток и раздувались от гордости.

На глазах у Чада снова и снова возникала одна и та же сцена. Первокурсники впервые входили в парадные ворота Питта разодетыми в лучшую, по их мнению, одежду. Эта одежда соответствовала их будущему желанному образу. Папаши среднего возраста с гордостью тащили тяжеленные чемоданы и сумки. Мамаши горделиво поправляли чересчур смелые вырезы и трогали дорогие ожерелья или броши. Они осматривали общежития и комнаты, где предстояло жить их любимым деткам, потом выходили во двор. Первокурсники с нетерпением ждали, когда же, наконец, будет перерезана тонкая пуповина, соединяющая их с родительским домом.

Родственники не спешили уезжать. Они бродили по кампусу, любовались безупречно подстриженными лужайками, обняв своих отпрысков за плечи, тыкали пальцами в готические скульптуры на здании колледжа, любовались горгульями и решетчатыми свинцовыми переплетами на окнах, неровными винтовыми лестницами, которые вели наверх от низких сводчатых дверей. Темные каменные коридоры, где бродили новички, как будто еще больше отражали дух Питта, чем парадный двор. Гуляли в парке, осматривали старинное дерево с искривленными ветками на подпорках. Выходили на задний двор, там газон выглядел не таким ухоженным, пахло сеном. Слышали глухие удары крокетных молотков по мячу. Тень от известняковой стены падала на студентов старших курсов, устроившихся на траве с разложенными книгами и с напитками в руках.

Питт-колледж был основан в 1620 году, тогда же, когда «Мэйфлауэр» с «отцами-пилигримами» пересек Атлантический океан и бросил якорь в Плимуте. Все восемь месяцев, что Чад провел в Питте, он не переставал удивляться и восхищаться им.

Но что он мог поделать? Не подходить же к семье! Ему трудно себя заставить познакомиться и с одним-то человеком.

И вот когда Чад уже готов был малодушно смириться с провалом, появился идеальный кандидат. Один. Мужского пола. С тяжелыми чемоданами. Да, да, да!

Чад заставил себя сдвинуться с места еще до того, как продумал дальнейшие действия.

Вначале все просто: нужно поздороваться. Вторая часть плана уже сложнее: необходимо узнать, как зовут нового знакомого, запомнить его имя и удержать в памяти. Раньше это служило для него непреодолимым препятствием – уж очень он волновался. А потом часть третья: предложить помочь донести сумки.

– Привет! Я Чад.

Идеальный кандидат поставил чемоданы на землю, внимательно осмотрел Чада, поджал губы и произнес:

– Интересно, кому пришло в голову назвать сына в честь какой-то занюханной страны третьего мира?

* * *

III(i). Почему шесть стаканов с водой не дали рассказчику насладиться неспешной прогулкой? Да, я должен объяснить. Отмотать назад.

* * *

III(ii). Мой взгляд переходит от окна на середину гостиной, я вижу шесть стаканов. Они стоят на полу и как будто смотрят на меня в упор. Каждый вечер я расставляю на полу гостиной шесть стаканов с водой.

Они задерживают внимание – шесть стаканов, строй в два ряда по три. Вот в чем заключается их смысл. Суть шести стаканов. Они должны задержать меня, заставить задуматься. Сначала я застываю, думаю, а потом поднимаю голову и смотрю на часы. Время обеда. С того самого телефонного звонка прошло семь часов. Значит, я все утро простоял перед окном, мысленно повторял разговор, отматывал события назад и заново проигрывал их в голове. А шесть стаканов означают: сегодня я еще не пил воды. Совсем. Ни капли.

На первый взгляд кажется: тот телефонный звонок уже нарушил мой привычный распорядок.

Позвольте объяснить. Эти шесть стаканов, говоря простым языком, – памятная записка, хотя я предпочитаю употреблять собственный термин: физические мнемоники. Это напоминание себе – сегодня необходимо выпить шесть стаканов воды. Как-то, более года назад, я вообще забыл о необходимости пить воду. И это воздержание продолжалось очень долго, опасно долго. Вскоре я понял – обезвоживание очень ослабляет, силы истощаются.

При виде стаканов моя память оживает. Я беру один стакан и направляюсь на кухню. На кухонном полу, на линолеуме в клеточку, в ряд стоят три тарелки. Значит, я еще не завтракал (и, конечно, не обедал и не ужинал). Затем я замечаю в раковине перевернутую салатницу – она стоит так, что невозможно повернуть кран. Опускаю голову и смотрю на себя сверху вниз, вижу свои гениталии. Ну да, оказывается, я совершенно голый.

Что заставило меня связать салатницу и гениталии? Непонятно почему, но каждое утро я смутно волнуюсь. Мне бы очень хотелось изменить эту подсказку. Я бы с удовольствием поменял салатницу на тяжелую скалку или большую бутылку шампанского. Но, увы, не следует вмешиваться в привычный распорядок – это опасная игра.

Я стою на кухне, пью воду, размышляю о своей вялости (как салат?) и наготы. Потом иду в спальню. Салатницу и пустой стакан оставляю на постели. Достаю из-под подушки трусы и футболку.

Одетым возвращаюсь на кухню. В раковине стоит старая банка из-под джема – раньше ее не было видно из-за салатницы. Теперь я знаю, что надо делать. Достаю из холодильника хлеб для тоста к завтраку. Но в холодильнике висит один красный елочный шарик. Значит, я еще не принимал утреннее лекарство. Принимаю лекарство, кладу шарик в банку из-под джема, а хлеб засовываю в тостер. Выдвигаю ящик кухонного стола, чтобы взять нож и намазать тост арахисовым маслом... На меня смотрит хеллоуинская маска вуки Чубакки из «Звездных войн».

Я натягиваю резинку на подбородок, а саму маску устраиваю на макушке. Пустые глазницы смотрят в потолок (ношу маску именно так – как вы понимаете, трудновато запихнуть

завтрак в рот Чубакки). Жадно пожираю тост с арахисовым маслом. После завтрака включаю душ. Значит, маску можно снять, ее задача выполнена – сидеть у меня на голове до тех пор, пока я не вспомню о необходимости включить душ. Правда, сейчас я уже не помню, почему поросший шерстью вука ассоциируется у меня с чистыми струями воды. Иногда мои мнемоники вполне логичны, а иногда нет. Часто все зависит от того, что подворачивается под руку в момент потребности ввести еще один элемент в мой распорядок. Итак, я принимаю душ, нахожу другие мнемоники, выпиваю еще стакан воды и читаю газету. А перед этим солнечные очки, которые болтаются на душевой кабине, напоминают: нужно открыть дверь и вынуть газету из ящика. Утренние процедуры отнимают часа два времени. После выполнения всех пунктов утреннего распорядка я сажусь за обеденный стол. На нем всего три предмета. Дневник, последнюю запись в котором я сделал лет четырнадцать назад, ноутбук и старый желтый зуб. Дневник уже довольно давно терпеливо ждет, когда я начну рассказ. Вот уже скоро я его открою. Но сначала зуб, старый коренной зуб лежит на крышке ноутбука. Зуб стал моим талисманом, он напоминает о том, что победить меня нельзя. Я сжимаю зуб в кулаке и закрываю глаза. Тогда я подхлестываю свои эмоции, напоминаю о собственной непобедимости и открываю ноутбук. Я записываю все, что делал утром. Правда, не могу вспомнить, в каком порядке делал (не стану вас порицать, если вы заметите: наверное, для моего возвращения к нормальной жизни нужно еще что-то, не только эти неспешные действия). Я тяжело вздыхаю, отхожу от компьютера и возвращаюсь в спальню, где стою и разглядываю свою постель. Каждый раз, когда я ложусь спать, мне трудно уместиться под одеялом из-за всевозможных стаканов, тарелок, салатниц и других предметов. Поэтому вечером перед сном я занимаюсь утомительной работой – хожу по квартире, старательно возвращаю физические мнемоники по местам, чтобы завтра успешно выполнить все пункты моего распорядка.

Сегодня я раскладываю мнемоники рано, делаю пометки на ходу, чтобы уж позже записать свой распорядок во всех подробностях. С утренними делами я заканчиваю лишь к трем часам дня. Значит, дневные дела придется сдвинуть ближе к вечеру, а вечерние – ближе ко сну. Ничего страшного, мелкие неприятности не могут воспрепятствовать моему выздоровлению. Если бы не мои хитроумные физические мнемоники, я бы сегодня вообще ничего не сделал.

Мысль о своей изобретательности необычайно радует меня. Да, скоро я смогу мыслить отчетливо, начну тренироваться каждый день, постепенно я восстановлю силы, и мой разум приобретет лучшую форму.

Вдруг в голове у меня проясняется настолько, что происходит настоящее чудо: я вспоминаю то, что не мог вспомнить целых три года. Смысл салатницы! Ха-ха, дело вовсе не в критической оценке размера или состояния моего детородного органа. Все куда очевиднее – заправка! Салатная заправка!

У меня есть пять недель.

* * *

IV(i). Джолион растирал руки, затекшие от тяжелых сумок. Да, он испытывал раздражение, досадовал на то, что нескольких студентов-второкурсников специально отправили к воротам Питта для помощи первокурсникам, например донести вещи до комнат. Сразу два второкурсника кинулись к парню, который, судя по манере держаться, привык к привилегированному положению. Его папаша – адмирал, лорд или пэр – толкал тележку, заваленную огромным количеством вещей, способным посрамить и магараджу. А оба второкурсника плелись сзади и вежливо слушали рассказ матери новичка, как малыш Тоби провел лето. Оказывается, половину времени он получал бесценный опыт, трудясь секретарем у друга семьи в Министерстве иностранных дел, а затем летал в Аргентину, где участвовал в турнире по поло.

Ну а Джолиону пришлось надрываться и самому тащить вещи. Сначала он шел двадцать минут до станции, потом ехал на поезде, потом в метро, потом опять на поезде. От станции пришлось двадцать минут идти пешком до колледжа. Его разведенные родители несколько месяцев не могли договориться, кто из них повезет сына в колледж. Поскольку выпускаемые ими друг по другу залпы рикошетом попадали в Джолиона, он в ходе боев сумел разгадать корень проблемы. Родители никак не могли решить, кто из них достоин большей чести за то, что их сын так умен. Никто не хотел уступать, а сам Джолион оказывался как будто ни при чем. А потом назначили дату заседания суда по делу об их разводе. Заседание проходило сегодня. Проблема решилась сама собой.

Поскольку адвокаты родителей ограничили их возможность передвижения, Джолиону пришлось самому тащить тяжелый чемодан и спортивную сумку, куда он постарался напихать как можно больше книг и кассет. Плечи ныли, а руки, натруженные и обессиленные, безвольно опустились вдоль корпуса. При виде малыша Тоби в голове Джолиона мелькнула мысль: подтверждаются все дурные предчувствия насчет Питта. Так что повод для небольшого раздражения у него имелся. Точнее, не для небольшого, а для довольно сильного.

И все же, услышав американский выговор, Джолион слегка воспрял духом. До поступления в колледж Джолион решил год попутешествовать и брался за любую работу, какая подворачивалась в любых уголках мира. Он боялся, что во время учебы у него закончатся деньги и придется возвращаться к перманентно воюющим родителям. Они не могли прислать ему денег: оба были школьными учителями, а почти все скромные доходы тратили на гонорары адвокатам по бракоразводным делам. В путешествиях Джолион часто знакомился с молодыми американцами, и они ему неизменно нравились. Во Вьетнаме он подружился с ребятами из Нью-Мексико, среди них была девушка, красивее и умнее которой он в жизни не встречал. Джолион даже собирался вместе с ними отправиться в Камбоджу, хотя сам только что вернулся оттуда. Но тогда та самая умная и красивая девушка призналась ему, что дома ее ждет близкий друг. Нет, не просто друг... Она с глубоким вздохом достала из кармана обручальное кольцо. Дома ее ждал жених.

Поэтому Джолион вместо Камбоджи удрал в Таиланд. Нашел работу в пляжном баре и почти не вспоминал о своих ссорящихся родителях. Он думал только о той девушке, о том, как они брели по пляжу, увязая по щиколотку в песке, сплетая пальцы.

Спустя несколько месяцев Джолион переехал из Азии в Европу и познакомился с молодыми американцами, путешествующими автостопом. Все они держались очень непринужденно, с ними было спокойно и хорошо даже в опасных ситуациях. Американцы верили в свои права и громогласно отстаивали их, такие сторонники конституционализма. С ними Джолион всегда чувствовал себя в безопасности. Однажды ночью в Венеции он попал на площадь Сан-Марко, и ему показалось, будто он идет по шкатулке с драгоценностями какой-нибудь богатой герцогини. Рядом с ним парень из Монтаны по имени Тодд ахнул от восхищения и сказал:

– Старик, вот оно! Когда закончу свой дерьмовый колледж, непременно поселюсь в Европе. Все лучшие американцы так или иначе в конце концов оказываются в Европе.

Джолиону понравилось утверждение, что все лучшие американцы в конце концов оказываются в Европе, – обычно он очень хорошо запоминал нравящиеся ему точки зрения.

Чад напоминал его прежних знакомых американцев, славных ребят. Джолион поддразнил его насчет имени, как бы намекнул, что потенциально Чад ему нравится. Но потом Джолион вспомнил: американцы, в отличие от англичан, стараются не начинать дружбу с иронии. Он повторил про себя только что произнесенные вслух слова: «Интересно, кому пришло в голову назвать сына в честь какой-то занюханной страны третьего мира?»

Да, наверное, из-за испытываемой досады слова, призванные быть легкой шуткой в начале знакомства, прозвучали резковато.

* * *

IV(ii). – При крещении меня называли не Чадам, – ответил Чад. – Это сокращение моего второго имени – Чадвик.

Но Джолион уже не мог остановиться. Он должен был продолжать и продемонстрировать, что действительно пошутил. Поэтому он язвительно спросил:

– Значит, ты *сам* предпочел такое имя, в честь страны третьего мира?

Англичане так забавно тянули гласные. В первые три месяца в Оксфорде Чаду казалось, что все кругом непрерывно острят или хотят казаться нарочито бесстрастными. «Я иду в супермаркет купить сы-ыру и что-нибудь вы-ыпить». Как будто он жил в окружении сплошных Оскаров Уайльдов.

Ему никак не удавалось придумать остроумный ответ насчет третьего мира. Прошло совсем мало времени, и вдруг все снова испортилось. А ведь он первым заговорил с англичанином во дворе Питта, то есть совершил второй подвиг в жизни. Но теперь собственная храбрость казалась ему глупостью. Кровь прихлынула к щекам и запульсировала, как будто кто-то бил его изнутри маленькими горячими ножками.

– Извини, я немного устал и не хотел... Я Джолион, – продолжал Джолион, протягивая руку. – Похоже на Джулиан, но произносится «джолли-он», как «джолли», «веселый», каким бы странным тебе это ни показалось.

Чад приступил ко второму этапу своего плана.

– Джолион, – осторожно повторил он вслух, чтобы не забыть. – Джолли-он. – А потом Чад напрочь забыл о своем плане. Хотя новый знакомый извинился, ему все равно было неприятно. – Зато тебя зовут как какую-нибудь певицу кантри, – брякнул он. – Ну знаешь, такую в замшевой куртке с бахромой и огромными буферами.

Услышав последнее слово, Джолион задумался. Что такое «буфера»? Может, у Чада просто произношение такое странное? Но потом Чад сделал универсальный мужской жест, обрисовав руками контуры на груди, и загадка разъяснилась.

– Ей-богу, Чад, ты прав, – со смехом ответил Джолион, совершенно не обиженный, и ткнул пальцем куда-то поверх плеча нового знакомого: – Видишь того типа?

Во дворе появился еще один новенький; его сопровождали родители и еще два второкурника. Новенький заправил в черные джинсы рубашку в голубую полоску, как у бизнесмена.

Джолион нагнулся еще ближе к Чаду, тому показалось – он стал доверенным лицом нового знакомого, и они вместе вот-вот совершат государственный переворот.

– Его фамилия Прост, – прошептал Джолион. – Мы с ним познакомились в баре, когда приезжали сюда на собеседование. Наверное, тебе известно – большинство людей за год перед поступлением в университет ездят по странам Азии и возвращаются оттуда буддистами. Ну или стараются переспать со всеми встречными шведками, путешествующими по Европе автобусом...

За неимением остроумного или верного ответа Чад просто кивнул.

– Так вот. Прост решил начать учиться через годик. Угадай, чем он занимался! Работал в банке, клянусь богом, целый год работал в крупном банке! В отделе коммерческих займов! Я угостил его пивом, и он рассказывал мне о своей работе, и было видно: он считает себя гораздо лучше тех, кто хочет повалять дурака в последний год перед вступлением в огромный и страшный мир взрослых. – Джолион выпрямился и подмигнул: – Он – стопроцентный, первосортный козел!

Чад с облегчением рассмеялся, затем громко и бессвязно что-то залопотал в ответ.

Джолион хлопнул его по плечу и улыбнулся:

– А знаешь, если вдуматься, Чад – классное имя. Мне представляется неподкупный коп, шериф, который в одиночку противостоит бандитам.

В этот момент Чад почувствовал себя польщенным. А потом Джолион сказал:

– Если сможешь донести вещи, с меня пиво.

– Конечно, – ответил Чад. – Знаешь, я и сам собирался тебе предложить.

– Превосходно! – обрадовался Джолион.

Значит, они все же будут друзьями. По обоюдному согласию. Джолион так решил.

* * *

V(i). У меня в голове застряли слова, услышанные много лет назад. Хотя я точно не помню, кто именно процитировал избитую фразу, что, мол, победа – еще не все. А один из нас... я точно не помню, может, даже я... ответил: «Разумеется, победа – это все. Иначе почему мы, по-твоему, называем себя человечеством?»

* * *

V(ii). Объясните, что мы делали плохого?

Мы играли в игру. Только и всего. В игру! Разве не через игры дети учатся познавать мир? Разве не всем нам на том или ином этапе жизни приходится мириться с поражением?

Правда, были еще и задания или последствия, например цена, которую приходилось платить за поражение. Ах, эти последствия!

Да. Мы зашли слишком далеко.

Ну конечно, мы зашли слишком далеко. Иначе с какой стати я поселился бы в своей темной дыре и почему у меня так дрожат руки, когда я осмеливаюсь впервые за три года впустить в свою квартиру солнечный свет? Ведь очевидно – мы зашли слишком далеко. Но мы не рассчитывали, что кто-нибудь пострадает.

Как бы ни относиться к спорту, но, когда боксер погибает на ринге, все сходятся во мнении: он знал, на что шел. Мы не виним противника. Даже в законах есть соответствующий принцип. *Volenti non fit injuria*. Нет обиды изъязвившему согласие, или согласие потерпевшего устраняет противоправность вреда.

Да, *volenti non fit injuria*. Именно это должно стать моей защитой. Почему же я каждый день вижу на своих руках кровь? Почему я снова и снова позволяю чувству вины душить меня?

Мы зашли слишком далеко. Я зашел слишком далеко.

Но никто не предполагал, что дойдет до такого.

* * *

VI(i). Бар находился в подвале, старинном, каменном. За столом Чад глазел по сторонам. Запах плесени навевал мысли о монастыре. Анфилада тускло освещенных залов... Деревянные столы и скамьи, как в церкви...

Во время учебы Чада в оксфордском Питт-колледже студенты часто находили повод для того, чтобы сдвинуть бокалы. В тот день, в полночь 3 октября 1990 года, две Германии официально объединились. Поэтому они пили за конец холодной войны. Тост провозгласил Джолион. Он же настоял на своем угощении всего стола в честь такого события. Они поднимали кружки с криками «Прозит!» и «Цум воль!».¹ Потом Джолион научил их застольной немецкой песне,

¹ Ваше здоровье! (нем.)

услышанной им в Мюнхене. Один парень по имени Ник передразнил немецкое произношение Чада. Тогда сидящий напротив Джолион погрозил Нику пальцем:

– Ты ведь не знаешь, что Чад бегло говорит по-испански, да? Ну а как у тебя с испанским, сеньор Ник?

– Никак, Джолион. В школе я учил латынь, французский и язык колбасников... Извини, Чад. Значит, бегло говоришь по-испански? Ты просто молодец!

Джолион прекрасно знал, что Чад почти не говорит по-испански. Они уже успели рассказать друг другу, чему и как учились в школах. Чад изучал испанский только в старших классах.

– Салюд! – Он поднял кружку и кивнул Нику.

Когда Ник в ответ почтительно кивнул, Джолион ткнул Чада локтем:

– Пошли, Чад, пошли отсюда. Здесь стало нечем дышать!

Джолиону казалось, будто мир все больше переполняется народом. Чад знал, что имеет в виду Джолион, ведь он быстро научился понимать нового друга: Джолиону становилось душно, когда он оказывался в центре толпы, а это случалось довольно часто. К Джолиону окружающие относились как к камину зимой. Всем нравилось греться вокруг него.

– Может, пойдем к тебе и выпьем коктейлей? – предложил Чад.

– Давай, – согласился Джолион. – И сегодня нас будет только двое. Мне не хватает простора.

Всего одиннадцать дней назад Чад ринулся на поиски приключений и весьма преуспел, в чем ему очень помог второй в его жизни подвиг. Несмотря на короткий период их дружбы с Джолионом, Чад перешел в разряд привилегированных. Все, кто знакомился с Джолионом в те первые дни в Питте, стремились проводить с ним как можно больше времени. А сам Джолион почти все время, когда не спал, предпочитал общаться с ним, Теодором Чадвиком Мейсоном. Какое унижительно напыщенное имя для мальчика из захудалого городишки! Имя Теодор казалось ему слишком официальным, а Тед, или Тедди, смахивало на мягкие игрушки. Имя Чад было выбрано как меньшее из зол. Кроме того, приятно было досадить отцу, тому имя Чад почти не нравилось. Чад допил пиво, улыбаясь в кружку. Его американские вкусовые рецепторы привыкли к «Баду» и «Куэрсу», отец называл такое пиво отличным пойлом для газонокосильщиков, хотя на их ферме никаких газонов и близко не было. Прошло несколько месяцев, прежде чем у Чада появился вкус к английскому пиву. С дрожжевым сладковатым привкусом и вместе с тем горьковатым, как пригорелый арахис.

Их окликнул симпатичный первокурсник по имени Джейми:

– Эй, Джолион, Чад, не бросайте нас!

– Да мы сейчас вернемся, – ответил Джолион. Джейми подмигнул, изобразил пальцами пистолет и цокнул языком.

* * *

VI(ii). Они поднялись из подвальчика по ступенькам и очутились позади красивого Халлоугудского музыкального зала в форме луковичы. Яркий лунный свет заливал все вокруг. Они полюбовались самой высокой башней Питта. Рядом высился горделивый флагшток с опущенным на ночь флагом. Кое-кто называл башню «Последний прыжок неудачников». Джолион рассказал Чаду, что пять лет назад одна девушка после провала на экзамене поднялась на башню и прыгнула вниз. С тех пор башню запирали. Потом всякий раз, проходя мимо, Чад невольно поглядывал на усыпанную гравием дорожку, как будто хотел различить капли крови на камнях.

По пути к шестому корпусу Джолион делился с Чадом занимательными историями о тех, с кем они только что так весело выпивали.

– Помнишь Тамсин? Такая симпатичная девчонка в шубке из искусственного меха... Так вот, у нее фобия на звуки чужой рвоты. Вначале ей досталась комната рядом с «Гербом Черчилля», и она опасалась, что посетителей будет выворачивать около ее окна. Джейми и Ник любят мастурбировать в соседних кабинках в туалете и болтать о спорте. Не стесняйся того, что твои родители небогаты, Чад. В богатых семьях полно уродов. Поэтому не смущайся, а гордись!

– Откуда ты столько всего знаешь? Я сидел за столом рядом с тобой, но ничего подобного не слышал.

– Мне просто рассказывают, и все, – ответил Джолион.

Они дошли до корпуса, где на двери красовалась римская цифра VI, и Чад с удовольствием гладил ладонью холодные камни, пока они поднимались по узкой лестнице. В своей комнате Джолион сразу схватил «Справочник бармена», который они купили в старом букинистическом магазине на Мартир-стрит, рядом с Оксфордским театром. Кстати, Чад узнал, что Оксфордский театр – еще один местный курьез. В нем проводились официальные церемонии, давались концерты, читались лекции... но никогда не ставились театральные спектакли. Джолион с почтением и осторожностью листал страницы книги, выпущенной почти тридцать лет назад. Они купили ее после первой ночи в переполненном баре Питта, тогда Джолион быстро устал и из-за шума не слышал, что говорит Чад.

Они начали с коктейлей «Манхэттен», в честь Чада, и решили: более сладкий вариант лучше. Потом они смешали «Ржавый гвоздь» из ликера «Драмбуйе» и виски – напиток отдавал вереском и медом. До конца семестра Чад и Джолион экспериментировали с джином, смешивая «Розовый джин» и «Гибсон». Затем они стали выбирать коктейли по названиям, какие понравятся: «Обезьяньи глотки», «Не горюй», «Оживляющий мертвецов».

На письменном столе Джолиона громоздилась внушительная коллекция спиртных напитков. Он потратил не одну сотню фунтов из своей студенческой стипендии на то, что в книге называлось «основами». Брать деньги у Чада он отказался наотрез со словами:

– Что посеешь, то и пожнешь.

На кофейном столе стояла нераскупоренная бутылка ликера «Фрамбуаз».

– А вот, кстати! – воскликнул Джолион. – Я специально купил, сегодня можно попробовать сделать «Флорадору».

Чад улыбнулся:

– Ну если ты настаиваешь...

* * *

VI(iii). Сильное впечатление комната Джолиона производила ночью при искусственном освещении: мерцали голые стены, потолочные балки отбрасывали театральные тени. Правда, свет из других окон мешал любоваться оксфордскими башнями и куполами, но хорошенько разглядеть башни и купола можно было и днем.

С бокалами «Флорадоры» в руках они довольно долго обсуждали свою любимую тему – игру нового типа, о ней они мечтали последние несколько дней. Потом, допив коктейль, Чад устроился боком в кресле, положил ноги на подлокотник и блаженно вздохнул. Счастье клубилось вокруг него как дым.

Ему казалось, что Джолион уже заснул, но друг неожиданно открыл глаза:

– Чад, по-моему, ты тем девчонкам понравился, Тамсин и Элизабет. Это сразу видно.

Чад покраснел, надеясь, что Джолион ничего не заметил. Он не знал, каков он на самом деле и надежно ли скрыт за его застенчивой, еще подростковой маской мужчины, на которого стоит посмотреть.

– Разве я им понравился? – удивился Чад. – Да ведь болтали они весь вечер с тобой.

– Болтать легко. Можно и компьютер запрограммировать, он будет говорить очень здорово, и его собеседник отнесется к нему как к особенному существу. Завидую твоей внешности, Чад, твоей мягкости... Вот это настоящее обаяние!

Чад готов был лелеять в душе такой комплимент до конца своей жизни. Его приключение закончилось успешно... а теперь еще и это! Голова закружилась от комплимента сильнее, чем от коктейля.

– Умираю с голоду, – сказал Джолион. – Давай закажем пиццу!

– Нет, давай лучше куда-нибудь пойдем. Знаешь, можно опять купить мясо гриль в лотке, как в прошлый раз... Тебе же понравилось? Возьмем шаурму с сыром и всем полагающимся и побольше соуса чили. Пальчики оближешь!

Джолион лежал на кровати с раскинутыми руками и ногами, выпятив живот, и рассеянно смотрел на штукатурку и балки.

– У меня сейчас как будто бы нет ног, – сказал он. – Правда, там ничего нет – ни костей, ни кожи, ничего. Полная пустота. – Джолион упивался сознанием полной неподвижности. – Если хочешь, – продолжал он, – попросим, чтобы курьер доставил пиццу прямо сюда. Я расплачусь, а ты ее возьмешь.

– Я пиццу не люблю, – сказал Чад.

Джолион поднял голову и озадаченно посмотрел на друга.

– Кто же не любит пиццу? – спросил он. – Ее все любят.

– А я не люблю. Не люблю, и все.

– Из-за помидоров?

– Какая разница, почему я не люблю пиццу?

Джолион снова уронил голову на подушку, и Чад немного успокоился; услышав ненавистное слово в первый раз, он невольно впился пальцами в подлокотник кресла. И вдруг, когда ему тема показалась исчерпанной, Джолион снова заговорил:

– Я же видел, как ты ел томатный соус! И сыр. И хлеб. С логической точки зрения непонятно, почему ты не любишь пиццу. – Он приподнялся на локтях и с любопытством посмотрел на Чада.

Чад снова извернулся в кресле, подтянул колени к животу, обхватил их руками и сказал:

– Дело не в моих вкусовых пристрастиях.

Он не находил места своим рукам и ногам, передвинулся на край кресла, закинул ногу на ногу.

– А в чем? – спросил Джолион.

Чад почувствовал: голова стала легкой, словно ее наполнили воздухом. После коктейля ему вдруг захотелось поделиться.

– Ну ладно. – Он опустил ноги на пол. – Видишь вот это все? – Он постучал себя пальцем по лбу и переносице.

– Что?

– Шрамы! Кратеры и ямы.

– Я не замечал, – солгал Джолион. Он прищурился и притворился, будто разглядывает лицо друга в первый раз.

– У меня первого в классе появились прыщи, – продолжал Чад. – В тринадцать лет огромный желтый прыщ выскочил между глаз. Согласись, трудно не обращать внимания, если вся школа пялится на тебя.

– Прыщи бывают у всех подростков. И у меня какое-то время их было довольно много.

– Нет, Джолион... – в голосе Чада послышалась глубокая решимость, – у тебя не было того, что было у меня, иначе ты не остался бы собой. Поверь мне, это просто невозможно. В общем, за неделю меня обсыпало. Прыщи набухали и желтели, а когда созревали, то краснели. Целое море красных точек, здесь, здесь и здесь. – Чад тыкал себя в подбородок, щеки,

лоб. – И сразу же появлялись новые, ярко-желтые, которые созревали на поверхности красного моря... – Он помолчал, вздохнул. – Сейчас-то все уже не так. Мне кажется, тогда моя физиономия сильно напоминала пиццу. Очень меткое прозвище!

Джолион вздохнул и покачал головой:

– Дети бывают такими скотами!

– Точно, – кивнул Чад. – И кличкой Пицца дело не ограничилось. Меня дразнили еще так: «доставщик пиццы», «сыр и помидоры». Когда я входил в комнату, кто-нибудь обязательно спрашивал: «Кто заказывал доставку?» Я не мог слышать самого этого слова... пицца. Даже сейчас меня всего передергивает. И если по телевизору идет реклама, я сгораю от стыда. Как тебе известно, в Америке часто показывают рекламу... ты знаешь чего.

Чад рассмеялся, и Джолион тоже рассмеялся.

– И долго это продолжалось? – спросил он.

– У меня до сих пор время от времени выскакивают прыщи, – ответил Чад, – но в старших классах была прямо беда. Меня изводили до самого выпуска. Только в последние два года лицо более-менее очистилось. По сравнению с тем, что было, сейчас я выгляжу не так плохо.

– А ты ничем не пользовался? По-моему, сейчас куча всяких средств от угрей и прыщей.

– Ну да, – кивнул Чад. – Только у меня были не угри, а настоящая бубонная чума. – Он опустил глаза. – Помню, врач выписал мне какую-то жидкую дрянь, от нее лицо воняло и зеленело. Я горстями глотал разные таблетки. Пробовал мазаться тональным кремом, но кто-то в школе пустил слух, что я крашусь. А один прокричал в коридоре, и все сбежались посмотреть. В общем, ничего не помогало. Разве что с тональным кремом я выглядел лучше, но мне хватило одного дня, и я перестал им мазаться.

– Значит, в самом деле не любишь пиццу?

– Да нет, лет до тринадцати любил... хотя точно не помню. Потом я убедил себя, что даже запаха ее не выношу.

– Тогда давай ее закажем, – сказал Джолион. – Нет лучшего способа изгнать демона, чем разорвать его собственными зубами! Обещаю, тебе понравится. А если нет, я лично спущусь к лотку и куплю тебе шаурму и все, что ты захочешь. И море острого соуса чили.

* * *

VI (iv). Они подсели к кофейному столику и ели пиццу прямо из коробки.

Ни один не произнес ни слова, пока не был съеден последний кусок. Тогда Чад откинулся на спинку кресла и похлопал себя по животу.

– Замечательно. Я отлично себя чувствую, – признался он. – Спасибо, Джолион!

* * *

VII(i). Новый день. Я стою перед окном и смотрю вниз, на Седьмую улицу, беспокойный, как лошадь, которая скучает по своему стойлу. Я будто бы пристально рассматриваю страницы атласа. Солнце врывается в комнату и сильно соблазняет меня покинуть сырую пещеру отшельника.

Через пять недель мы снова сыграем, закончится четырнадцатилетний перерыв. Неужели мне действительно казалось, будто я способен бежать? А если я не могу бежать, если вынужден играть, тогда должен основательно подготовиться. Если я не могу даже взглянуть в лицо внешнему миру, какие у меня шансы противостоять Игре?

Да, я выйду на улицу среди бела дня. Целых три года я покидал свою квартиру только в предрассветные часы, рано утром. Каждые две-три недели трусил на помойку, выбрасывал мусор и заходил в магазинчик на углу. Этого было достаточно, чтобы удовлетворить мои

потребности. Их не так много – потребностей. Они скромные. Молоко, кофе, хлеб, чай. «Липтон» в ярко-желтой коробке напоминает мне об Англии. Одного пакетика на кружку недостаточно для крепкого чая, нужно заваривать два пакетика, но жалко тратиться. Арахисовое масло «Джиф». Банки с чили, пакеты риса. Сахарная пудра, ее я ем ложками, чтобы восполнить недостаток энергии, – такое случается время от времени. Если все сделать как надо, во рту пудра превращается в тягучую сахарную помадку. И еще виски, моя причуда – хотя виски, конечно, не купишь в магазинчике на углу. В шесть утра виски не купишь нигде. Но в двадцать первом веке все стало проще, даже жизнь отшельника. Все или почти все можно заказать по Интернету. Однако время от времени я отваживаюсь выходить в свет – иду в магазинчик на углу. Если я когда-нибудь отважусь выйти из своей кельи, я должен быть готов ко встрече с реальным миром.

Я смотрю вниз на улицу, где едут машины, половина из них такси, они скользят и останавливаются перед светофорами. Светофоры переключаются, лениво мигая. Стайка голубей пролетает мимо окна – фр-р-р... Они взмывают влево и рассаживаются на краю крыши.

Да, так всегда выглядел мир. Мокрый, сухой. Светлый, темный. Голубой, серый.

Меня это очень утешает. Да, пожалуй, я отважусь. Отшельник выходит наружу.

* * *

VII(ii). Я выхожу из квартиры в состоянии близком к трансу. Целых три года я общался только с курьерами, не переступавшими порога моей квартиры, или с продавцами за прилавком магазина. При мысли о более тесных контактах мне делается не по себе, поэтому я напеваю себе под нос довольно бодрую песенку. Боксер идет на тренировку. Я представляю, как от зажатого в кулаке зуба исходят сила и тепло. Вот я спускаюсь вниз и поворачиваю не направо, к магазину, а налево, в неизведанное, в забытое.

Припоминаю, каким городом светотеней становится Нью-Йорк, когда солнце заходит и небоскребы опускают длинные серые капюшоны. На солнце я вздрагиваю от жары, потом попадаю в тень, улыбаюсь, когда солнце снова щекочет мои руки. И вот первое испытание силы. Навстречу идут люди. Ей за сорок, голова ее выбрита. На ней розовая шапочка-хирургичка, как у медсестры. На каком-то человеке джинсовый комбинезон поверх гавайской рубашки. Мужчина весит килограммов сто, имеет бульдожью челюсть и коротко стриженные черные волосы. Он похож на массовика-затейника, который в состоянии выбить тебе зубы.

Ах, Фрэнк, говорит она, тебе непременно нужно посмотреть малыша. Фрэнк кивает: очевидно, он знает, о каком малыше идет речь. Ах, Фрэнк, как он одет! Она присвистывает. Не как мы... не как ты и я, Фрэнк. Он одет замечательно красиво!

Я мысленно повторяю за незнакомкой и соглашаюсь с ней. Мы, ты и я... да, какая чудесная оговорка! Реальный мир снова приветствует меня. Я не отошел и двадцати шагов от дома, а уже принял первые витамины, которые положены мне по новому тренировочному режиму. Мы, ты и я. Мир несовершенен, но очень красив. Да, пожалуй, я справлюсь. У меня все получится.

Я приближаюсь к зданию, обнесенному строительными лесами. За металлическим каркасом и деревянными помостами замечаю еще не застывшую грунтовку, темно-коричневую, похожую на запекшуюся кровь. Под ржавыми стойками на тротуаре пятна – вчера прошел дождь. Мне нравится все, что я вижу. И ржавчина, и угловатые граффити, и весело капающая вода, подсвечиваемая солнцем. Жизнь вокруг меня кипит свежей красотой; после трех лет жизни в темноте я наконец вышел на свет. Мир заново зажег в моей душе любовь.

Подхожу к концу квартала и вижу большие зеленые пятна. Там прохлада, там растения, там тень и солнечный свет, который попадает на землю сквозь зеленые ветки. Да, припоминаю, там ведь парк!

Я нетерпеливо жду, когда можно будет перейти дорогу, мне не терпится побродить под деревьями и насладиться бутылочно-зеленым светом. Указатель на углу: «Авеню А». Мир проникает в меня.

Я поднимаю голову и вдали, в дымке, появляются белые буквы «НЬЮ», а перед ними еще какие-то. Буквы выводит в небе самолетик, он кружит и петляет. Вот в инверсионном следе на размытом голубом фоне появляются еще буквы. Я останавливаюсь и читаю: «НЬЮ-ЙОРК». Вдруг холод пробирает меня. Перед «Нью-Йорком» виднеются еще три буквы: «ЛЮТ». Неужели пилот что-то не рассчитал или забыл?

Я стою на месте и жду, но больше букв нет. Самолетик удаляется. Наверное, кончилось топливо, и он возвращается на аэродром.

Неожиданно меня охватывает слабость. Ноги подкашиваются, я едва не падаю, снова и снова читая: «ЛЮТ НЬЮ-ЙОРК».

Я со всех ног кидаюсь назад, возвращаюсь в свою квартиру.

* * *

VII(iii). Какой ужасный знак! «ЛЮТ НЬЮ-ЙОРК». Словно символ моей жизни... Точнее, название второй серии. В кино в такое время показали бы ретроспективу: четырнадцать лет назад мы начинаем Игру... Через пять недель продолжение следует! «Лют Нью-Йорк: Игра наносит ответный удар». И все-таки я снова выйду на улицу. Завтра. Да, мне уже лучше. Надо идти потихоньку, несколько минут. Мне хватит времени, чтобы вспомнить, сколько всего есть в мире, надо только набраться сил. А страху на меня нагнал маленький самолетик, пилот которого что-то не рассчитал.

Даже сейчас от воспоминаний об этом я никак не могу успокоиться. Пришлось заварить чай и пить его, перечитывая написанное. К черту расходы – я бросил в кружку два пакетика, поэтому чай получился крепкий и вкусный. Чай меня утешает – напоминает об Англии. Мои руки обхватывают кружку, вот и щекотное тепло...

И вдруг я начинаю смеяться. Смеюсь впервые за много лет, вспоминаю, как удирал от слов, написанных на небе. Я несея с вытаращенными глазами, бешено размахивал белыми, без загара, руками и ногами. Вряд ли меня взяли бы рекламировать достоинства затворнической жизни.

Отсмеявшись, понимаю, насколько замечательно, что у меня еще сохранилось чувство юмора. Оно поможет мне вернуться. Не сомневаюсь, через пять недель я заново проявлю лучшие свои качества. Я сумею победить, искренне верю в это.

И вот как часть тренировочного режима я должен каждый день выходить в мир. За пределами моих четырех стен меня ждут не только демоны, но и источники наслаждения. И скоро я плавно выйду на свет – свободный и сильный, нырну в теплую, ошеломляющую красоту американской жизни.

* * *

VIII(i). Семестры в Питте назывались старомодно, но изящно: Михайлов, Рождественский, Троицын. Последняя неделя перед Михайловым семестром называлась Неделей первогодков. Тогда все новички могли выбрать себе занятия по душе перед началом серьезной учебы. В ту неделю почти каждую ночь они вдвоем проводили какое-то время в комнате Джолиона. Наслаждались коктейлями и свободой. Говорили о справедливости и курили гашиш. В их разговорах и планах о переустройстве мира все преобразовывалось, все противоречия сглаживались, а социальное неравенство исчезало бесследно.

Рядом с Джолионом Чад все больше и больше раскрепощался: он чаще изливал душу, забывал о своем судорожном внутреннем цензоре. Он решил, что когда-нибудь даже расскажет Джолиону о своем отце, как тот смотрел на него, словно в нем, его сыне, имеется какой-то изъян, что-то отвратительное. Джолион будет молча слушать и качать головой. А потом они, вероятнее всего, съедят вместе целую пиццу.

Ближе к концу той первой недели с шутками и притворным негодованием они начали спорить, кому первому в голову пришла мысль об Игре. Буквально спустя несколько дней после первого озарения Джолион начал приписывать эту честь себе. Однако Чад был убежден: Игру придумал он. Каждый пылко приводил доказательства в свою пользу, ни один не желал признавать себя побежденным.

Если бы им довелось оспаривать первенство спустя несколько месяцев или даже лет после начала Игры, скорее всего, никто и не подумал бы называть первооткрывателем себя. Наоборот, они бы, наверное, взваливали вину друг на друга. Вначале они лишь смутно представляли, что собой должна представлять Игра, наметили только общие ее черты. Крупное финансовое вознаграждение победителю. Многочисленные задания или последствия для того, кто проигрывает, вроде подростковой игры на «слабо». Первые задания должны быть просто немного неприятными или стыдными, позже – унижительными, оскорбительными. Участники вносят приличный залог – такая гарантия, что все задания будут исполнены. Накал увеличивается постепенно. И задания или последствия должны оставаться чисто психологическими, никакого риска, никаких физических увечий. Игра разума.

Первым непреодолимым препятствием вскоре стала крупная награда победителю. Чад был сыном фермера, он учился на стипендию. Джолион, сын разведенных учителей из Суссекса, находился лишь в относительно лучшем положении, чем его американский друг. До тех пор пока финансы оставались серьезной преградой, они не видели смысла подробнее разрабатывать стратегию Игры.

* * *

VIII(ii). – О, вот такое личико всегда приятно видеть на конце моего члена!

Хотя Джолион и Чад не следили за Джеком, они сразу поняли, какую девушку тот имеет в виду.

– Дже-ек! – вздохнул Джолион.

– Что? – Джек обернулся к двум разочарованным лицам и выставил вперед ладони: – Не смейте меня судить! Слушайте, я ведь просто шучу.

В Питте уже началось обычное разделение, расслоение. Появлялись ядра, центры притяжения, вокруг которых образовывались группы. Часто студенты объединялись в кружки по интересам, например вступали в секции гребли, регби или кружок изучения «Беовульфы» в оригинале, на англосаксонском. Иногда новых друзей объединяли деньги, красота или претензии. Отличительные признаки их группы Чад вряд ли мог бы назвать. Он сам удивлялся тому, что может навесить ярлыки на все группы, а на свою – нет. Похоже, их объединял только Джолион. Сам Джолион, наверное, назвал бы только их «нормальными людьми в Питте».

С Джеком они познакомились несколько дней назад. После официального представления Джек сообщил, что изучает историю. Они стояли в тени главной башни. Мимо них, держась за руки, прошли парень и девушка – математики. Она в строгой юбке, он в строгом свитере. Михайлов семестр еще не начался, а они уже нашли друг друга. Джек начал шутить – как, по его представлениям, математики занимаются сексом. Гнусаво пародируя компьютерный голос, он зачитывал инструкцию к миссионерской позе:

– Пункт тридцать, введите пенис. Пункт сорок, вытащите пенис... – Закончив пародию, он сказал: – А знаете, я имею полное право судить о таких вещах. Историков всегда называют

секс-бомбами среди ученых. Наверное, мне стоит предложить историкам такой девиз: историки – ученые, которые все записывают в анализы. Через одну «н».

Джолиону импонировала склонность Джека к самоиронии. Высмеивая весь мир, Джек и себя считал винтиком в большой комедии жизни. Кроме того, в своих рассказах Джек всегда охотно преувеличивал собственные недостатки и пороки, если считал, что это позабавит слушателей.

Они втроем стояли в переполненном экзаменационном зале. Вокруг толпились такие же, как они, первокурсники, все взволнованно болтали и смеялись. В конце зала бок о бок составили деревянные кафедры.

– Давайте подойдем вон к тем весельчакам! – предложил Джек.

В большом зале проходила «Ярмарка для первогодков», где университет представлял все мыслимые сообщества и кружки. Первокурсников приглашали в студенческие газеты, спортивные секции, дискуссионные клубы, кружки по интересам. Их зазывали к себе любительские театры, доминошники, коммунисты, любители народных танцев, франкофилы, генеалогическое общество, кружок вязания, общество противников охоты, гомосексуалисты, лесбиянки, шопоголики...

* * *

Студенты с удивлением прочли рекламу «Сельскохозяйственного общества», которое предлагало желающим «попахать для университета». Джеку ужасно хотелось позабавиться, хотя он никуда не собирался вступать, но подошел к «пахарям» и спросил, каким образом они предлагают пахать для университета. Неужели у Оксфорда имеются свои пахотные угодья? А может, в университете разводят овец, шерсть же потом продают вязальщицам-радикалкам, которые записывают в свой кружок через три кафедры отсюда? А бойня у них есть? Можно ли студенту, ограниченному в средствах, подзаработать, забивая животных для университета?

В ответ Джека наградили уничижительным взглядом и холодно сообщили, что все куда проще. Время от времени устраиваются региональные и общенациональные соревнования пахарей, если ты зарекомендуешь себя хорошим бойцом, тебя возьмут в университетскую команду.

Соревнования пахарей? Ну конечно! Джек хлопнул себя по голове, извинился за свое невежество и поспешил удалиться.

В названии многих кружков и клубов по интересам присутствовало слово «общество»: «Общество драмы», «Общество любителей футбола», «Общество любителей тенниса», «Метеорологическое общество». В углу помещалось «Псиобщество», а рядом с ним – «Общество физиков». Физики косились на психологов с плохо скрываемой ненавистью. Целых два общества зазывали сыграть в игру «Подземелья и драконы». Джек не поленился подойти к обоим и выяснить, в чем между ними разница. Оказалось, представители первого общества переодевались в волшебников и орков, играли в лесах и полях, так сказать, на местности. Второе общество проводило сеансы игры в уютных старинных пабах или комнатах студенческих общежитий. Конкурирующие общества терпеть не могли друг друга.

Неожиданно Джек заметил новую мишень. Он ахнул, прикрыл рот рукой и ткнул пальцем в вывеску «Общество носочников». Над вывеской между двумя черенками метел была протянута синяя нейлоновая бельевая веревка. На ней под старомодными деревянными прищепками болтались носки всех возможных цветов и размеров.

Джек целеустремленно зашагал к кафедре «Общества носочников».

– Вы только посмотрите, как они веселятся! – восхитился он, обернувшись через плечо. – Траляля и Труляля, мать их за ногу!

На самом деле двое представителей «Общества носочников» были не такими толстыми, как персонажи из «Алисы в Зазеркалье». На груди у обоих были прикреплены карточки с именами в виде носков. Одного «носочника» звали Уильям, а второго – Уоррен.

Подойдя к кафедре, Джек облокотился на нее и попросил:

– Братцы, расскажите, пожалуйста, поподробнее о вашем «Обществе носочников». Мне ужасно хочется в него вступить, вы мне сразу понравились. И название у вас такое... оригинальное.

– «Общество носочников» – это общество для проницательных НОЧНИКОВ и СОЧНИКОВ, – начал Уильям.

– Правда, наши собрания проходят довольно нерегулярно, – подхватил Уоррен.

– Собрания подвергаются переНОСКЕ, – хихикнул Уильям.

– А когда мы все же собираемся, мы любим обсуждать философские вопросы.

– Уоррен хочет сказать, что мы ведем... ноСОКратические диалоги!

– Президент «Общества носочников» – я, – продолжал Уильям.

– Зато я – серый кардинал, – сказал Уоррен. – Некоторые называют наше общество СОЧНЫМ! – Последнее слово они выкрикнули хором.

Надув толстые щеки и от смеха стараясь не прыснуть, Уоррен продолжал рекламировать:

– Естественно, все члены «Общества носочников» получают определенные гарантии.

Видно было, что сохранять серьезный вид ему удастся с трудом.

– Да, мы обещаем никогда никого не оставлять с НОСОМ, – сказал Уильям.

Уоррен с ухмылкой подхватил:

– Тех, кто нам не подходит, мы просто бьем пыльным НОСКОМ!

Он вдруг, как фокусник, извлек откуда-то носок с рисунком из розово-голубых ромбов. Оба «носочника» расплылись в улыбке и уставились на Джека. Наверное, они страшно гордились собой. Джолион решил: ребята будто сошли со старой фотографии, снятой на взморье, на каком-нибудь пирсе. На старых фотографиях все очень любят валять дурака.

Впервые с момента появления на «Ярмарке первогодков» Джек лишился дара речи. Он рассмотрел розовые и голубые ромбы на носке и, совершенно ошеломленный, медленно повернулся к своим друзьям.

Чад какое-то время рассеянно озирался по сторонам, потом уловил перемену в настроении и вспомнил, где находится. Он посмотрел на Джека – тот робко пятился от кафедры «носочников». Чад встревожился: неужели что-то случилось?

Джек отошел подальше от «Общества носочников» и наконец дал себе волю – расхохотался так, что все тело у него сотрясилось, а из глаз катились слезы.

– Иногда я задаюсь вопросом: зачем я, на фиг, вообще сюда поступил? – сказал он, отсмеявшись. – Знаете, в нашей стране все-таки есть нормальные университеты, где полным-полно нормальных людей. Я мог бы поступить в один из них.

Чаду «Общество носочников» показалось вполне невинным... наверное, он не ухватил сути, а скоро совсем перестал понимать, о чем говорят друзья.

Джолион торжественно покачал головой:

– Джек, учеба – это не только книги. И я полагаю, сегодня мы все усвоили важный урок.

Джек важно кивнул и произнес:

– В низших слоях общества, где распространены близкородственные браки, как правило, недооценивают значимость такой процедуры, как аборт.

– Джек, я очень рад знакомству с тобой! А ведь мог бы подружиться с уродами, которые считают верхом остроумия низкопробные каламбуры о предметах одежды. – Джолион с благодарностью похлопал Джека по плечу. – Как ты считаешь, кто они такие на самом деле?

– По-моему, все вполне очевидно, – ответил Джек. – Труляля не желает признаваться самому себе в том, что по природе он голубой. И не признаётся, пока не разменяет шестой

десяток. Тогда он будет уже лет тридцать как женат, пройдет в парламент от какого-нибудь спального района вроде Саттон-энд-Чима. Ну а Траляля через десять лет трагически погибнет – станет жертвой несчастного случая. Задохнется во время эротического эксперимента... Его последний сожитель вернется слишком поздно. Траляля с возбужденным членом, но без признаков жизни валяется на кровати в номере дешевого отеля... Рядом на полу лежит зачитанный до дыр номер журнала «Звезды бодибилдинга», а изо рта Траляля торчит носок с мандаринами. Скорее всего, на носке будет узор из розовых и голубых ромбиков...

– Не знаю. А не грех ли издеваться над такими людьми? – с сомнением спросил Джолион.

– По-моему, не грех, – ответил Джек. – Так я справляюсь с ненавистью к самому себе в самые мрачные минуты жизни... Мне помогает смех и еще выпивка. Кстати, может, по пиву?

* * *

VIII(iii). Чад не слушал разговора Джека с «Обществом носочников», потому что отвлекся. Он не воспринимал каламбуров Уильяма и Уоррена, его внимание привлекла соседняя кафедра. Вывеска над ней была мельче остальных: «Общество Игры». Слова были написаны от руки на листе бумаги не больше карточки, на которую заносят результаты в гольфе.

За кафедрой «Общества Игры» стояли не ухмыляющиеся второкурсники, а люди постарше. Их было трое. Чад подумал: «Наверное, студенты старших курсов, а может, даже аспиранты». И ни у одного он не увидел бейджа с именем.

Вот к кафедре «Общества Игры» подошли два парня. Все закончилось довольно быстро. Хотя Чад не слышал их разговора, но он увидел реакцию представителей «Игры». Самый длинный из троих со скучающим, равнодушным видом трижды отрицательно покачал головой и произнес три раза:

– Нет, нет, нет.

Потом к кафедре подошли две девочки, каждая обладала внешностью, по мнению Чада, способной смягчить каменные сердца представителей «Общества Игры». Чад осторожно подобрался поближе и принялся прислушиваться к их разговору.

– Здравствуйте! – поприветствовала всех троих одна из девочек. – Вот, увидели ваше объявление и хотим спросить, в какие игры вы тут играете?

– А вы какие предпочитаете? – спросил Длинный без всяких, даже косвенных, намеков.

– Я люблю игры для компании вроде «Твистера», – ответила вторая девочка.

– Нет, – сказал Длинный и отвернулся.

– Может, у вас проводятся игры для большой компании?

– Нет.

– Значит, играют в настольные?

– Нет.

– Так в какие же?

Девочке ответил второй по росту представитель «Игры»:

– Вряд ли вам понравится то, во что у нас играют.

– Но ведь вы ничего о нас не знаете.

Другие представители «Игры» переглянулись. Они как будто криво усмехнулись, а может, телепатически обменялись осуждающими словами, трудно сказать.

Наконец заговорил самый низкорослый представитель «Игры»:

– Давайте не будем напрасно тратить ничье время.

– По-моему, вы просто грубияны, – заметила вторая девочка. – Ваши конкуренты наперебой заманивали нас к себе. – В доказательство она помахала стопкой листовок и брошюр.

– А у вас даже листовок нет, – сказала первая девочка. – Так что вряд ли кто-то вступит в ваше дурацкое общество.

Три представителя «Общества Игры» бесстрастно и молча смотрели на девочек.

Девочки ушли, переговариваясь и кивая, – видимо, у них сложилось невысокое мнение об «Обществе Игры». И все же Чад заметил в их позах и жестах признаки разочарования. Паруса обвисли, ветер утих.

На долю секунды Чад восхитился жестокостью «Общества Игры», даже немного позавидовал им. Вот бы и он мог стать таким... Впрочем, он быстро опомнился. Девочек все-таки жаль.

Джек и Джолион куда-то пробирались. Чад брел в нескольких шагах позади и лишь вполуха слушал их разговоры. Что-то об абортах, каламбурах и мандаринах. Чад никак не мог забыть вопросы девочек и ответы представителей «Общества Игры».

– Бар в Питте уже закрылся, может, двинем в «Герб Черчилля»? – предложил Джек.

– Пошли, – согласился Джолион.

– Нет, погодите, – остановил друзей Чад. – Давайте подойдем еще к одному обществу... последнему.

* * *

IX(i). Внутри у меня еще не все улеглось после прогулки. Попробую забыть, как ужасно она закончилась. Теперь в голове ясность, мне почти не нужны мнемоники, чтобы выполнять послеобеденный распорядок. Надо воспользоваться драгоценным временем не только для творчества, но и для подготовки не к таким светлым дням.

Я выхожу на кухню, достаю из жестянки из-под печенья запас таблеток на три недели и принимаюсь раскладывать их по лоткам для льда, но в них мало места. Приятно с усилием отвинчивать крышки, которые придуманы специально, чтобы лекарства случайно не достали маленькие дети, и с хрустом вскрывать новые упаковки. Большим пальцем я выдавливаю таблетки из фольги. Это такое же приятное занятие, как и хлопать пузырьки на пузырьчатой упаковке.

У меня скопилась солидная коллекция медикаментов. Диазепам, лоразепам, кодипар, диклофенак, викодин, дигидрокодеин, оксиконтин, перкоцет... Обожаю странные названия лекарств. По-моему, необычные названия тоже играют определенную роль в моем пристрастии – такую же роль для филателиста играют марки, выпущенные в чужих, далеких странах.

Я собираю свою коллекцию уже четырнадцать лет, мне помогают многие уловки, в том числе и простой шантаж – оказывается, этот метод необычайно действенный. Записываюсь на прием к доктору, обычно пожилому, которому осталось несколько лет до пенсии. Постепенно упрощаю его увеличить дозу. Как только он идет мне навстречу – все, он мой. Визиты учащаются, я прошу новые препараты, в больших дозах. В какой-то момент доктор отказывает, тогда я угрожаю пожаловаться на него в медицинский совет, властям, напишу в газеты. Я журналист, говорю я, и всегда могу сослаться на проводимое независимое расследование. Врач уже влип по уши и сильно рискует.

Коллекция пополняется.

* * *

IX(ii). Я ненадолго отвлекаюсь от компьютера. Мне хочется впустить в себя внешний мир, вдохнуть его ароматы. Поэтому я подхожу к окну. И вдруг вижу чудо. Самолетик вернулся! Он снова выводит в небе петли. Теперь в небе написано: «САЛЮТ, НЬЮ-ЙОРК». Спустя несколько секунд буквы выпцвтают и постепенно исчезают.

Я хлопаю в ладоши, и мой внутренний мир из черно-белого превращается в разноцветный.

Вот я описываю чудесное зрелище, и вдруг мне открывается его таинственный смысл – в нем зашифровано важное послание. Итак, пора завязывать с таблетками. Я начну серьезно тренироваться. Отныне мое главное лекарство – внешний мир. А от таблеток надо отвыкать. Обещаю. Не забуду. Начну с завтрашнего дня.

* * *

Х. Они стояли по росту, самый длинный слева. На нем был шерстяной зеленовато-серый однобортный пиджак, а под пиджаком – накрахмаленная белая рубашка с расстегнутой верхней пуговицей. Рубашку он заправил в джинсы – белесые, выцветшие, такие уже лет десять, а то и больше, как вышли из моды. Стрижка у Длинного короткая и аккуратная, волосы на косой пробор. Он носил очки с большими линзами, похожие на «авиаторы». В целом Длинный напоминал молодого лондонского бухгалтера, одевшегося для выходных в Котсуолде. Двадцать пять лет, а выглядит на все пятьдесят.

Двое его спутников походили на него: рубашки тоже заправлены в джинсы, но без пиджаков и нет очков. У Среднего волосы черные и жесткие, из носа торчат волоски. Коротышка – почти бесцветный блондин. Со своими серьезными минами они напоминали аспирантов естественно-научного факультета – те тоже всегда невозмутимы, даже когда цитируют Дугласа Адамса² или «Монти Пайтон».³

Хотя обычно Чад робел, он вдруг направился прямо к кафедре и положил на нее ладони. Джек собирался что-то сказать, но Чад его опередил:

– У меня к вам предложение, совершенно оригинальная и необычная игра.

Представители «Общества Игры» не шелохнулись.

– Но если вы считаете, что оригинальные и необычные идеи – это не ваше, так и скажите, я сразу же уйду. – Чад поднял руки и собрался уходить.

– Продолжай! – велел Длинный.

– Игроков шесть, игра состоит из нескольких раундов – по одному раунду в неделю. Чем-то напоминает салонную игру в последствия. Каждому проигравшему назначается задание, которое надо обязательно выполнить, иначе он выбывает. Задания предполагают чисто психологические действия: проигравшие должны сделать нечто неудобное или унижительное для себя. В ходе розыгрышей выбывают те игроки, которые не сумеют исполнить свои задания до конца. Игра продолжается до тех пор, пока не остается один победитель.

Джолион шагнул вперед и стал плечом к плечу с другом.

– Игра ведется в обстановке строжайшей секретности, – подхватил он, будучи уверенным в необходимости упомянуть о секретности сразу же.

– Да, совершенная секретность жизненно необходима, – кивнул Чад.

– Успех в игре зависит от сочетания везения и искусства, – продолжал Джолион, – совсем как в реальной жизни...

Он замолчал и невольно задумался – тогда впервые задумался – над интересной аналогией, которая ему очень понравилась: да, игра в реальную жизнь.

– Все игроки вносят залог, – сказал Чад.

– Конечно, – подхватил Джолион, – и если кто-то отказывается выполнить задание, он автоматически теряет залог. Причем залог должен быть не мелкой суммой... Все отчужденные залого добавляются к гран-при.

² Дуглас Адамс (1952–2001) – английский писатель, драматург и сценарист, автор юмористических фантастических произведений, в том числе серии «Автостопом по Галактике». (Здесь и далее примеч. пер.)

³ «Монти Пайтон» – комик-группа из Великобритании, прославившаяся благодаря комедийному телешоу «Летающий цирк Монти Пайтона», фильмам и мюзиклам.

– Погодите, – остановил Длинный, поднимая указательный палец. Затем произнес, глядя на Чада: – Имя, пожалуйста.

– Чад Мейсон.

Средний достал из кармана джинсов блокнотик, из нагрудного кармана рубашки – ручку и что-то записал.

– Имя, пожалуйста, – повторил Длинный, переводя взгляд на Джолиона.

Джолион назвал, и Средний записал его тоже.

– Продолжайте! – велел Длинный.

– А я Джек. Джек Эндрю Томсон. Не Томпсон, а Томсон. Без «п» в середине.

– Продолжайте, – повторил Длинный. – И расскажите подробнее, какого рода задания... последствия.

Джолион покосился на Чада. Игру во всех подробностях они еще не успели обсудить.

– Вначале задания простые... смешные, юмористические, – нерешительно начал Чад.

– Да, юмористические, – повторил Джолион. Он тянул время в попытке что-нибудь придумать. – Вообще задания обсуждаются всеми игроками совместно, но на ранних этапах они достаточно легкие в исполнении и могут вызвать лишь небольшое неудобство. Например, вы извещаете всех в колледже – с помощью плакатов, заметки в еженедельнике и так далее, – что вы в определенное время и в определенном месте дадите сольный концерт.

Выражение лица Длинного не изменилось.

– Или устроите показ фокусов, – продолжал Джолион. – Фокусы – так несовременно, вы согласны?

Длинный по-прежнему никак не реагировал. Вероятно, слова Джолиона не произвели на него никакого впечатления.

– Фокусы ни за что не понравятся в Питте, – продолжал Джолион.

– Вполне возможно, придется сделать что-то совсем простое – например, явиться на консультацию с голым торсом или в бикини, если задание выполняет девушка, – сказал Чад.

Он представил себе одну девушку в синем бикини, промелькнула мысль, что ее лопатки щекочет кожаное кресло в кабинете наставника, а эссе легко лежит на коленях, как накрахмаленная белая салфетка.

– Или наоборот, – продолжил Джолион, ему показалось, что им пока не удалось произвести впечатление. – Проигравший обязан целый месяц всюду ходить в костюме и при галстуке. – Джолион посмотрел на Длинного, кажется, песок в песочных часах иссякает слишком быстро. – А залог теряет не только тот, кто не выполнит задания, но и тот, кто расскажет хотя бы одному постороннему человеку, кроме участвующих игроков, почему он так странно себя ведет. Повторяю, секретность в нашей Игре – очень важный фактор.

– Дальше по ходу Игры задания становятся все труднее, – подхватил Чад, но тут же замолчал, ведь для продолжения пришлось бы вступить на еще неизведанную территорию.

– Мы не намерены подвергать кого-либо опасности или требовать от кого-то противозаконных поступков. Но, как уже сказал Чад, задания будут постепенно усложняться и делаться все неудобнее. Лично для меня в этом заключен один из самых интересных элементов Игры – подвергаться унижению на глазах у очевидцев! Лично меня ужасает сама мысль о пении на публике. Если мне достанется такое задание, я, возможно, выкину белый флаг и сразу же лишусь залога. С другой стороны, для кого-то пение – удовольствие, и игрок будет только рад такому испытанию. Тут дело не столько в унижении действием, сколько в психологическом надрыве. Ну и конечно, кому как повезет... – Джолион снова тянул время в надежде быстро придумать какое-нибудь задание сложнее. – Например... например, проигравший обязан будет три раза обежать голышом парадный двор. – Он поморщился и подумал: «Как перепившийся регбист... Хотя это ужасно банально!»

– Или устроить выставку картин, – брякнул Чад, сразу же пожалев о своем предложении.

Длинный расправил плечи. Судя по всему, его заинтересованность постепенно проходила. В задумчивости он отвел взгляд от Джолиона и Чада и посмотрел в пространство.

Джек кашлянул и, хотя слышал об Игре впервые, начал говорить:

– У нас есть и другие идеи. Можно, например, вступить в левацкую студенческую группировку и произнести речь, которая будет признана расистской или сексистской... Такие речи их больше всего заводят, потому что у них напрочь отсутствует чувство юмора... Или, например, проигравший будет обязан прочесть лекцию о Маргарет Тэтчер и объявить, что для вас она не злодейка, а, наоборот, героиня и спасительница нации. Надо будет внушать высоколобым либералам, что убивать аргентинцев на Фолклендах было необходимо, а Тэтчер спасла экономику, дав хороший пинок шахтерам. – Джек ухмыльнулся, собственное предложение нравилось ему все больше и больше. – Представьте, что тут начнется! Аудитория взорвется, ведь лектор разворошит их уютный муравейник... Настоящий бедлам! С тем, кто произнесет такую речь, не будет разговаривать ни один человек во всем колледже.

Длинный снова слегка оживился и, задумчиво прикусывая губу, спросил:

– А что еще?

– Да мыслей у нас до фига, – ответил Джек. – Постепенно задания делаются серьезнее и мрачнее. Но мы уже рассказали достаточно, чтобы вы уяснили общий смысл.

Длинный повернулся влево и приказал:

– Запиши его имя.

– Томсон без «п», – напомнил Джек, пока Средний заполнял третью строчку в блокноте.

– Ну а почему вы обратились к нам? – спросил Длинный.

– Нам нужно финансирование, – ответил Чад.

Представители «Игры» переглянулись и, видимо, без слов пришли к согласию. Сначала улыбнулся один из них, потом заулыбались все трое.

– Десяти тысяч фунтов вам хватит? – спросил Длинный.

– Как вы понимаете, предложение делается небескорыстно, – добавил Средний.

А Коротышка осторожно и вместе с тем язвительно подхватил:

– Вам придется представить официальную заявку. Объемом... думаю, достаточно будет одной стороны листа формата А4.

– Извините, десять тысяч фунтов? – спросил Чад. – Вы сказали – десять тысяч, верно?

– Да, мистер Мейсон, десять тысяч фунтов, или примерно двадцать тысяч ваших американских долларов, – ответил Длинный. – Если вы представите нам заявку. И если мы ее одобрим.

Чад изо всех сил старался не расхохотаться.

– Мы вынуждены настаивать еще на одном важном условии, – продолжал Длинный. – При каждом раунде или розыгрыше на всем протяжении Игры обязательно будет присутствовать хотя бы один из нас троих. Наше присутствие необходимо не только на розыгрышах, но и при выполнении заданий. Отказаться от данного условия нельзя. Мы ни в коем случае не станем вмешиваться. Мы всегда будем действовать всего лишь в качестве молчаливых наблюдателей, если только не произойдет какого-нибудь существенного нарушения правил. И последнее. В заявке вы должны подробнее описать характер заданий.

– Нам очень понравились идеи... – Средний глянул в блокнот, – идеи мистера Томсона.

– Пожалуй, вам стоит развивать стратегию в направлении, намеченном мистером Томсоном, – сказал Коротышка.

Затем Длинный застегнул пуговицы на пиджаке:

– Мистер Мейсон, мы не раздаем деньги кому попало. Для этого требуется нечто особенное. Но у вашей игры, как нам кажется, есть потенциал.

Средний взял маленькую вывеску «Общество Игры», а Коротышка достал из заднего кармана джинсов карточку и что-то записал на ней.

– Связаться с нами можно только по этому номеру. Номер мобильного телефона, так что на вашем месте я не стал бы напрасно тратить время, пытаюсь разыскать нас в каком-нибудь колледже или другом учреждении.

– Мобильник, – фыркнул Джек. – Значит, вы богатенькие извращенцы?

В Питте мобильный телефон тогда имелся только у одного студента – виконта и будущего наследника одного из самых крупных состояний в Европе.

Словно намеренно не замечая Джека, Длинный взял карточку у Коротышки и протянул ее Чаду.

– Вам дается время до понедельника, – произнес он. – Скажем, не позднее полудня. Место встречи выберите сами, позвоните и дайте нам знать. – Он дважды стукнул костяшками пальцев по краю кафедры.

Чаду показалось, что Средний и Коротышка вздохнули с облегчением, а может, даже с благодарностью. Длинный кивнул своим низкорослым спутникам, и они ушли гуськом. Первым шел Длинный, совсем как утка, которая ведет выводок. Вскоре над толпой осталась видна только его голова.

* * *

XI(i). Сегодня меня разбудило солнце. Должно быть, вчера вечером я не задернул шторы из-за волнения после прогулки, первым днем тренировки. Кстати, надо больше гулять.

Целых три года, с самого начала моего затворничества, я просыпался только от противных звуков мусоровозов, которые приезжают каждое утро. Они занимаются сизифовым трудом – убирают мусор большого города.

Но сегодня я просыпаюсь от радости. Я совершил поразительное новое открытие. Позвольте вначале коротко рассказать своего рода предысторию. Моя квартира на местном жаргоне называется «паровозиком». Такое название она получила из-за планировки: три узких и длинных помещения идут друг за другом, как купе поезда. Кухня находится сзади, гостиная впереди, а спальня – посередине. Дверные проемы имеются, но двери есть только на концах. И если на кухню и в гостиную свет извне еще проникает, спальня в моем «паровозике» – настоящее сердце тьмы.

Поэтому утром, когда я впервые просыпаюсь в залитой солнцем спальне, я вдруг замечаю в изножье кровати большой платяной шкаф. Откуда он взялся? Нет, конечно, я помню, что там стоял большой платяной шкаф. Хотя с женой я развелся, рассудок еще не окончательно меня покинул. И все-таки... Сколько времени, оказывается, я не раздвигал шторы и не поднимал жалюзи!

Более того, я не очень-то люблю свет настольных ламп или люстр. В спальне нет ни одной неперегоревшей лампочки. Если подумать, мне одному чем еще можно заниматься в спальне, если не спать? В темноте! Более того, для самых мрачных часов у меня имеется фонарик на бечевке, иногда я вешаю его на шею. Фонарик я включаю, когда он нужен. Когда нет – экономлю батарейки. Настенные или потолочные светильники приходится включать только в том случае, если какая-то работа требует задействовать обе руки.

Но я отвлекся от более насущных вопросов. Да, сегодня утром я замечаю в лучах солнца шкаф, и меня посещает интересная мысль. Шкаф так давно не открывался, что я позабыл о его содержимом.

Позвольте ненадолго вас покинуть. Душа требует открытий. Обещаю, я сразу же расскажу о находках.

* * *

XI(ii). Настоящий ад! Девять, десять, одиннадцать часов назад я спустился в какой-то круг ада. Большой шкаф – не что иное, как пыточная камера самого Сатаны.

При свете фонаря я жадно разглядываю содержимое. Вот что находится в шкафу: «Монополия», «Змеи и лестницы», «Родео», шахматы, «Угадайка», «Улика», «Операция», «Риск», нарды, «Пятнашки», «Эрудит», покер на костях, «Морской бой», «Уно», шашки, маджонг...

Сначала я бурно радуюсь. Мне кажется, что я набрел на настоящую сокровищницу, на пещеру Али-Бабы. Столько игр! Столько материала для тренировок! Настоящий тренажерный зал для ума.

Сначала я вытаскиваю коробку с любимой семейной игрой «Монополия» и выбираю противников.

Я кидаю кубик первым и покупаю, покупаю, покупаю. Мои вымышленные противники играют безрассудно, свою собственность я продаю по выгодным для себя ценам. И все-таки, несмотря ни на что, я проигрываю. Кубик против меня, вскоре мне не хватает даже на булочку в булочной. Конечно, «Монополия» – ужасно глупая игра. В ней многое зависит от везения. Такую тупую игру даже заканчивать не хочется. Доску я швыряю через всю комнату, а бумажные доллары подбрасываю в воздух. Рву карточки «События» и «Счастливый случай». Никогда в жизни не буду больше играть в эту тупую, идиотскую игру.

Я решаю выбрать игру, в которой не все определяется везением. Вынимаю «Эрудит» из старой коробки, раскладываю доску на кровати и снова испытываю растущее волнение. Я решаю сыграть один на один (не для увеличения шансов на выигрыш, поймите, а просто немного подкорректировать расклад).

Я всегда играю сдержанно и скуп. Не спешу расходовать «дорогие» буквы. Партия близится к концу, я почти на сто очков впереди. Меня ждут лавры победителя. И вдруг... Интересно, что у меня с головой? Я замечаю: у ненавистного соперника скопились буквы Р, А, Д, Ж, И, Е, О, Я, Д, Ж. Сообразив, что из этих букв складывается название штата Джорджия, я громко фыркаю. Как жаль, говорю я противнику, имена собственные запрещены! Играй где-нибудь в Атланте, может, тебе и дали бы скидку и присудили дополнительные очки. Но мы в Нью-Йорке, в городе янки... Что тебе сказать, дружище? Правила есть правила.

Я живо представляю перед глазами слово «ДЖОРДЖИЯ». Буквы в моем воображении ленивым облачком проплывают над доской. И вдруг... Неужели я заслуживаю такого невезения? Я вижу, как из букв противника складывается великолепное слово «АРПЕДЖИО». При чем «П» – от моего слова «ПРОКАЗА», которым я так гордился. И вот противник набирает пятьдесят очков, а одна буква попадает на желтую клетку, где все очки удваиваются!

Даже сейчас пальцы у меня дрожат, я еле сдерживаю ярость. «Эрудит» летит следом за «Монополией» – к черту! К дьяволу! Неужели мне и дальше так же не будет везти?

Удача мне полностью изменила, просто можно обалдеть.

Я достаю из коробки «Операцию» и собираюсь исцелить пациента по имени Кариес Сэм. Сначала пробую вылечить вывих лодыжки, потом подставляю ведерко для откачки жидкости из коленной чашечки, хочу также излечить его от «гусиной кожи». Но всякий раз как инструменты приближаются к Сэму, пальцы у меня начинают дрожать, я дергаюсь, и...

«Операция» повторяет судьбу двух предыдущих игр. За ней летят «Змеи и лестницы», нарды...

Наконец вмешивается судьба и спасает меня. Батарейки в моем фонаре садятся на середине игры в «Родео». Снаружи сгущаются сумерки, квартира погружается во мрак. Я спрыгиваю с кровати и бегу в гостиную включить лампу. Но вдруг спотыкаюсь обо что-то, слышу звон бьющегося стекла. Ступню пронизывает острая боль. Я скачу по гостиной на одной ноге и

пытаюсь найти выключатель. Наконец свет зажигается, и я вижу на полу четыре стакана целых и один разбитый. Из порезанной ступни хлещет кровь.

Я скачу назад в спальню и ищу «Операцию». Хватаю коробку, возвращаюсь в освещенную гостиную и зубами выгрызаю щипчики, прикрепленные к игровой доске. Морщась от боли, трясущимися руками кое-как извлекаю из ступни большой осколок, процедура оказывается болезненной и довольно долгой.

Хотя ступня болит невыносимо, я вдруг испытываю огромное облегчение. У меня же полно болеутоляющих лекарств! Скачу на здоровой ноге на кухню. Все мои мнемоники не тронуты и стоят по местам. Выходит, сегодня я не продвинулся вперед ни на шаг. Не ел, не пил, вообще ничего не сделал. Возможно, именно поэтому у меня так дрожат руки. Я беру лекарство, но мне не хочется класть его в рот – смотрю на маленькую голубую таблетку с каким-то предубеждением. Потом решительно встряхиваю головой. Голова затуманена, ногу дергает. Прием таблетки – первое достижение за день. После того как боль немного ослабевает, я ложусь на кровать и закрываю глаза. Придерживая больную ногу на весу, я размышляю обо всех моих поражениях. После «ЛЮТ НЬЮ-ЙОРК» сегодняшние поражения – еще один дурной знак. Зря я все затеял. Я должен окрепнуть.

* * *

ХП(i). На обратном пути в Питт они говорили только об Игре. Во дворе они вдруг увидели Марка. Зевающий Марк брел по двору в носках, но без ботинок, в ушах были наушники от плеера, пристегнутого к поясу. Когда они подошли к Марку, тот вынул из ушей наушники, и они повисли на его шее.

– Марк, в твоём плеере нет кассеты. – Джолион пальцем ткнул в плеер.

– Надо же! – ответил Марк. – Неужели это так заметно?

– И вообще, чего это ты сегодня так рано встал? – поинтересовался Джолион.

– Не спится, – ответил Марк. – Надеюсь, прогулка поможет. Но здесь есть люди, с которыми мне совсем не хочется общаться. Вот почему... – Он отцепил от пояса плеер и многозначительно повертел его в руке.

– А вдруг тебе поможет «Дайкири» по рецепту Хемингуэя?

Зажмурившись от яркого солнца, Марк блаженно улыбнулся и ответил:

– Бесспорно!

* * *

ХП(ii). Джолион объявил Чаду: Марк – умнейший человек в Питте. Чад, правда, не совсем понял, как Джолион пришел к такому выводу. Еще Джолион добавил, что умнейшие люди никогда не осознают своей гениальности... правда, Марк, похоже, вообще ничего не осознает. Он всегда в слегка улетевшем состоянии и готов дрыхнуть круглые сутки.

Как-то вечером Джолион взял с собой Чада на благотворительную миссию. Им предстояло разбудить Марка, чтобы тот не пропустил третий ужин подряд. Им не сразу удалось его растолкать: Марк проспал шестнадцать часов кряду и нехотя проснулся только после того, как Джолион сорвал с него одеяло.

Во время ужина и потом, в баре, он зевал не переставая. Потом они перешли в комнату Джолиона. Марк все время задремывал между затылками марихуаны и коктейлем «Джин Рикки» из джина, сока лайма и содовой. Во сне губы у Марка шевелились, иногда он что-то бормотал себе под нос. Чад подумал: «Наверное, во сне он вспоминает уравнения или излагает новые теории». Марк изучал физику. И, как у всех в их кружке, интересы Марка в глазах его друзей накладывали отпечатки на его личность. Физик, гений, сумасшедший ученый.

Волосы у Марка дыбились вверх крутыми спиральками, его шевелюра напоминала нечто среднее между разросшимся кустом и пружинным матрасом. И его ярко выраженный орлиный нос плохо подходил для летаргического сна. Всякий раз, закрывая глаза, Марк ненадолго сосредоточивался на кончике собственного носа. Потом его веки плотно смыкались.

* * *

ХII(iii). Когда они пришли к Джолиону, тот извинился за ложную информацию. Оказывается, еще днем он решил, что для «Дайкири» по рецепту Хемингуэя день неподходящий, и выстроил на кофейном столике ингредиенты для «Сингапурского слинга».

Джолион и Марк заговорили о физике, Чад благоговейно внимал им. Хотя в Питте Джолион изучал право, он отличался необычайно широким кругозором. Похоже, его интересовало все, чем занимаются его друзья. Иногда Джолион демонстрировал глубокие знания и обсуждал с филологами какие-то малоизвестные романы, причем часто оказывалось, что Джолион читал больше собеседников. Со студентами отделения философии, политики и экономики Джолион свободно беседовал о политике, философии и экономике. С химиками он обсуждал красоту Периодической системы Менделеева... Казалось, ему доступны все области знания.

Марк нудно бормотал о времени, которое зарождается в миг Большого взрыва, о других вселенных, находящихся по ту сторону черных дыр, и о том, что пространство на самом деле состоит из десяти измерений. Чаду все его речи казались абракадаброй. Он тогда решил: все понимать вовсе не обязательно. Достаточно удобно устроиться в кресле и наслаждаться жизнью, пока мимо, расплываясь, проносятся новые миры.

Именно тогда Чад вдруг понял – Джолион прав. Марк как будто жил в другом измерении. Он постоянно думал о чем-то великом. Наверное, он так утомлялся именно из-за огромности, непомерности своих замыслов. Вот и сейчас вихрь иных миров подействовал на него. Создатель новых вселенных потер глаза, зевнул, извинился и объявил, что ему пора вздремнуть.

– Джолион, еще раз спасибо за коктейль, – поблагодарил Марк, устало поднимаясь из кресла.

– Завтра... то есть уже сегодня вечером я тебя опять разбужу, – обещал Джолион. – Пока это зависит от меня, ты больше не пропустишь ужин.

– Спасибо, Джолион, – сказал Марк. – И прости, если я опять полезу в драку... Терпеть не могу вставать. – Потягиваясь и почесываясь, Марк направился к выходу.

Все с ним попрощались.

Чаду показалось: стоит ему уйти к себе, он найдет Марка где-нибудь в углу двора. Тот будет безмятежно спать, свернувшись клубочком, как ореховая соня из «Алисы в стране чудес». Или как сама Алиса, которая мечтает о других мирах по ту сторону черных дыр.

* * *

ХII(iv). Они остались втроем, чтобы поговорить об «Обществе Игры».

Решили: еще трех игроков выберут завтра. На одно из оставшихся вакантных мест нужно пригласить Марка. Джолион не сомневался в его согласии.

– Вы сами слышали. Ему ужасно хочется сделать что-нибудь интересное.

– А как насчет Эмилии? – спросил Джек.

– Она замечательная, – ответил Чад.

– Ну да, в самом деле, – согласился Джолион.

– Получается пять, – подытожил Джек. – И зачем мы заявили шесть игроков?

– Не знаю, – ответил Чад. – Просто показалось, шесть – как раз нужное число. Может, вспомнился кубик?

– Значит, нужно найти еще одного, – вздохнул Джек.

Все замолчали и начали думать. Правда, Чад не подбирал кандидатуру шестого игрока, он думал об Эмилии, раскручивая в голове медленные и желанные сцены, его любимый сон наяву.

* * *

ХII(v). С Эмилией они познакомились в очереди на медосмотр, первокурсники его проходили до начала семестра. Джолион, Чад и Джек стояли в очереди вместе. Из кабинета вышел Марк, когда он поравнялся с ними, Джек спросил, что там делают.

– А, ерунда, – ответил Марк. – Проверяют зрение, слушают, меряют давление манжеткой...

– Хочешь сказать, сфигмоманометром? – уточнил Джек.

Эмилия стояла впереди них, при этих словах она медленно повернулась и окинула Джека презрительным взглядом.

– Что такое? – вскинулся Джек. – Просто прибор так называется.

– А как называется существо вроде тебя? – спросила Эмилия.

– Может быть, придурок, который умеет пользоваться словарем?

Эмилия один раз моргнула своими большими зелеными глазами.

Джолион рассмеялся и сказал:

– Я Джолион, а это Чад. Это существо зовут Джеком. Поверь, он лучше, чем может показаться при первом знакомстве. А ты?..

– Эмилия.

– Что ты изучаешь?

– Психологию.

– Психология – замечательный предмет, – заметил Джолион. – Я только что закончил читать Фромма. Просто невероятно, до чего он злободневен. Настоящий гений.

– Значит, ты тоже психолог? А мне казалось, я знаю всех психологов-первокурсников.

– Нет, я правовец, – ответил Джолион. – Просто интересуюсь Фроммом.

Эмилия прищурилась и склонила голову набок, а потом вдруг сказала:

– Знаешь, ты один из немногих, кто, узнав, что я изучаю психологию, не просит: «Ну тогда скажи, о чем я сейчас думаю».

Джолион посмотрел на Эмилию в упор.

– В чем дело? – спросила она.

– Ни в чем. Просто... ты напомнила мне одну девушку, с которой я когда-то был знаком... совсем недолго.

– Надеюсь, девушка была хорошая, – сказала Эмилия.

Джолион на миг как будто куда-то уплыл, и над ними повисло неловкое молчание.

Чад поспешил заполнить паузу:

– Эмилия, почему ты выбрала психологию?

– Очень хороший вопрос, Чад.

Чад ощутил прилив знакомого жара к лицу.

– Сама не знаю, – продолжала Эмилия. – Надеюсь выяснить до того, как окончу курс.

* * *

ХII(vi). Пока Джек барабанил пальцами по щеке, прикидывая, кого бы пригласить на шестое место, а Чад грезил об Эмилии, Джолион тоже думал об Эмилии. Во всяком случае, с Эмилии начались его воспоминания. Он вспоминал месяц, проведенный во Вьетнаме, аме-

риканку с такими же светлыми, как у Эмили, волосами и такими же глазами цвета морской волны. Сходство было поразительным. Они могли быть сестрами. И такие же коралловые губы.

* * *

XIII. Игры пробудили во мне неприятные воспоминания о разводе. Эти коробки – часть совместно нажитого имущества, их я забрал себе, когда четыре года назад ушел от Блэр. Я захватил даже детские игры, которые мы купили для ее племянниц и племянников. Моя бывшая жена решила не сражаться за «Змей и лестниц». Игры всегда становились у нас камнем преткновения. Я терпеть не мог проигрывать даже в самом невинном состязании. А Блэр заслуживала лучшего, она хотела только одного – помочь мне. Бедная Блэр!

Вчерашний день – ерунда, обыкновенная оплошность. Я разложил игры по пакетам вместе с мусором. Больше никаких легкомысленных затей. Кстати, сегодня мне лучше. Мой зарок нерушим, я понемногу прогрессирую. Я выполнил все пункты вечернего распорядка. Вечер – вещь в себе, китсовская осень, «пора туманов и плодоношения»...

Чили и рис. Галочка. Маленький глоток виски. Галочка. стакан воды. Галочка.

Раздеться, почистить зубы, принять лекарства. Одну розовую таблетку, одну желтую, одну голубую.

И ложка сахара – чтобы лекарства лучше действовали. Жизнь – как качели. Вверх – вниз. Работа – игра. Бодрствование – сон. Стимулятор – наркотик.

Сворачиваюсь калачиком, мне уютно и хорошо. Что-то негромко пою себе под нос. Галочка.

* * *

XIV. Чад постучал в дверь. Он услышал скрип – Джолион подошел к двери. Чад невольно сжался. Может, не вовремя? Может, не стоило приходить? Нет, глупо бояться. Он пришел просто так, без повода. Захотелось побыть с Джолионом. Хорошо бы вместе пообедать в «Гербе Черчилля». А потом они зайдут в букинистический магазин, будут рыться в книгах... Или никуда не пойдут, примутся пить кофе и говорить об Игре. Так что, скорее всего, стеснение в груди не от страха, а от радостного предвкушения.

Открыв дверь, Джолион улыбнулся. Молча развернулся и зашагал к кровати, на ней была расстелена газета, накрывшая все одеяло, кроме небольшого кусочка, на который и уселся Джолион.

– Внизу, на лестнице, я встретил Проста, и он попросил тебе это передать, – начал Чад и помахал несколькими листами бумаги, исписанными от руки.

– Спасибо, – поблагодарил Джолион, – положи на стол.

– Зачем Просту понадобилось твое эссе по римскому праву?

Джолион слегка смутился. Взял газету, ткнул пальцем в первую полосу:

– Отлично написано... Скорее всего, Михаилу Горбачеву дадут Нобелевскую премию мира.

– Джолион, мне казалось, ты называл его... надеюсь, я правильно тебя понял... ты говорил, Прост – стопроцентный, первосортный козел.

Джолион вздохнул и пояснил:

– Слушай, вчера я дописал эссе и вдруг увидел его в библиотеке. Была полночь, и он не написал ничего, кроме нескольких разрозненных отрывков. Консультация у него сегодня, он трясся от страха. Поэтому я дал ему свое эссе... на время.

– Хотя он стопроцентный, первосортный козел?!

– Мне показалось, так будет правильно, – сказал Джолион.

– То есть тебе стало его жалко? – уточнил Чад.

Джолион еще больше смутился:

– При чем здесь жалость?

– Да ладно... – фыркнул Чад, положил эссе на письменный стол и устроился в кресле рядом с кофейным столиком.

Джолион вырвал из газеты статью о Горбачеве, отложил в сторону и переключился на Чада.

– Хочешь, я приготовлю завтрак? – спросил он.

Чад огляделся по сторонам и заметил тостер и электрический чайник.

– Тост? – спросил он.

– Нет, – ответил Джолион, – настоящий завтрак.

– Ну да, – с сомнением ответил Чад, – валяй!

Джолион широко улыбнулся и включил чайник. Достал из ящика письменного стола два яйца и скатерть. Чад молча следил за тем, как Джолион стелет скатерть на кофейный столик. Скатерть была круглая, из тонкого белого кружева.

– Ты как пьешь чай? – спросил Джолион.

– Как я... что? Как пью чай? Из чего, ты хочешь спросить? Из чашки.

– С молоком? С сахаром? Только не говори, что с лимоном.

– Я в жизни не пил чая, – признался Чад.

Джолион одобительно кивнул:

– Отлично! Значит, тебе я сделаю как себе: крепкий, без сахара, с капелькой молока.

Отлично!

Когда вода закипела, Джолион налил две трети в глазурированный керамический заварочный чайник, который извлек из-под кофейного столика. У электрочайника откинул крышку и половником положил в оставшуюся воду яйца. Закрыв крышку, засекал время по часам. Из того же ящика, где были яйца, он достал два толстых куса белого хлеба и засунул их в тостер.

Пока готовился завтрак, Джолион рассказывал Чаду о только что прочитанной книге. Он очень заразительно рассказывал, Чаду тоже захотелось ее прочесть. Джолион снял томик с полки и протянул Чаду.

– Если понравится, оставь себе, – небрежно предложил он. Потом посмотрел на часы и сказал: – Ровно пять минут. – Щипцами он извлек из заварочного чайника два чайных пакетика, накрыл чайник специальным стеганым чехлом с вышитыми яркими колокольчиками и зелеными листьями. Потом включил тостер и продолжал: – Он был алкоголиком. Как и все лучшие американские писатели.

Чад посмотрел на книгу, ему стало стыдно, что он до сих пор не слышал о Раймонде Карвере. Он прочел текст на задней стороне обложки. Карвера называли одним из величайших представителей американской литературы. И вот вам пожалуйста – он узнает о книге своего соотечественника от англичанина! Чад полистал страницы, прочел содержание. Названия рассказов показались ему простыми, но емкими.

Джолион сидел у чайника и смотрел на часы.

– Девять минут двадцать семь секунд, – провозгласил он и, снова взяв половник, быстро извлек из чайника яйца и положил их в миску для каши. Затем он направился к буфету, открыл дверцу, за ней над маленьким умывальником висело зеркало, не переставая говорить: – Фолкнер, Фитцджеральд, Стейнбек. Конечно, Хемингуэй. Хемингуэй был королем среди писателей-пьяниц. – Джолион поставил яйца под холодную воду. – Чивер и Карвер. Трумэн Капоте. – Джолион вынул яйца из воды. Покатал их в миске, чтобы надбить скорлупу, быстро и умело очистил, вначале сняв по полоске из середины, как будто вытаскивал пояс из брюк. – А если взять более ранний период, можно вспомнить Эдгара По и Мелвилла.

Звякнул тостер. Из-за умывальника Джолион достал две мелкие тарелки, довольно старые – глазурь на них потрескалась. Джолион показал их Чаду, как пару фазанов.

– Из чайного сервиза моей бабушки, – пояснил он. – Она умерла год назад. До самой ее смерти я звал ее бабушкой Фред. Фред – это кличка ее пса... – На тарелках был узор: осенние листья. Джолион положил на каждую по тосту, а на них выложил яйца. – Знаешь, что в яйцах самое лучшее? – спросил он. – Не то, что они символ плодородия. Скорлупа похожа на куколку насекомых. Но то, что внутри появляется, – это может оказаться чем угодно, вариантов множество. – Он поднес одну тарелку к носу и с любовью осмотрел содержимое. – Подумать только, на что способно яйцо... Бесчисленное множество вариантов! – Он принялся вертеть тарелку на кончиках пальцев.

– И еще ты забыл сказать: они вкусные, – произнес Чад, но Джолион его как будто не слышал, и Чаду стало неловко.

Под кофейным столиком также хранились самые разные чашки с блюдами. Джолион достал две чашки и два блюда, расписанные розами и васильками. На чашках красовались розовые ободки, на блюдах – розовые каемки. Когда Джолион медленно поставил их на кружевную скатерть стола, чашки еле слышно звякнули о блюда.

– И еще, конечно, яйца – символ плодородия, – продолжал он. – Знаешь, наутро после секса мне почему-то всегда хочется яиц. Я пожираю их с жадностью... Как тебе кажется, в этом есть что-то тревожное?

– Имеешь в виду – во фрейдистском смысле? – спросил Чад.

– Может быть, – ответил Джолион.

– Наверное, – сказал Чад.

Оба одинаково хохотнули – не разжимая губ.

Джолион забрался на кровать и открыл окно. Снаружи, на карнизе, стоял молочник из того же сервиза, что и чашки. Он поставил кувшин на стол, снял крышечку из фольги и налил в чашки молоко. Потом разлил чай. Носик чайника высывался из специального отверстия в стеганом чехле.

– Будь я приговоренным к смерти, наверняка выбрал бы яйца для своего последнего ужина, – сказал Джолион и придвинул Чаду тарелку.

Яйцо на идеально золотистом тосте казалось особенно белым и чистым. Джолион подал Чаду вилку и поставил на середину стола маленькое деревянное блюдо с кристалликами крупной соли. Затем Джолион размял свое яйцо вилкой и размазал его по тосту. Желток оказался ярко-оранжевым, не жидким и не застывшим.

– Очень важно, – заметил Джолион. – И я никогда не скажу этого никому, кроме тебя. – Он заговорщически покосился на Чада и продолжал: – Надо варить яйца девять минут и ровно двадцать семь секунд, вот в чем секрет. – Тут он посыпал яйцо солью, приподнял тарелку над столом и откусил большой кусок. – Брускетта по-английски!

Чад повторял действия за другом. Он понятия не имел, что такое брускетта. Но завтрак оказался восхитительным, все было идеальным, и ему на миг показалось – секрет заключался именно в двадцати семи секундах. Во всяком случае, Джолион относился к этому совершенно серьезно.

* * *

XV(i). Неожданная мысль. Весенний воздух оказался таким свежим, что мне вдруг захотелось позавтракать на пожарной лестнице за окном. Надеюсь, вы извините меня, если в этом месте я прерву рассказ запиской-напоминанием. Я предпочитаю физические мнемоники, но, если я как-то не фиксирую то, что приходит мне в голову, все куда-то улетучивается, просачивается сквозь трещины.

Заметка для себя. Не забыть поставить какую-нибудь безделушку на тарелку для завтрака для напоминания, что я хочу позавтракать на свежем воздухе.

Да, очень неплохая мысль.

* * *

XV(ii). Жужжит домофон. Доставка.

Я впускаю курьера в дом, но свою дверь открываю с подозрением и только чуть-чуть – не помню, чтобы я что-то заказывал. Расписываюсь в его листке и прошу оставить коробку в коридоре. Жду ухода курьера, открываю дверь шире и втаскиваю на кухню тяжелую коробку.

Дюжина бутылок виски. Я достаю их и выстраиваю в ряд на кухонном рабочем столе. В настенном шкафчике еще три непочатые бутылки. Зачем я заказал еще виски до того, как допил прежнее? И почему так много?

Я подхожу к компьютеру, проверяю. Так и есть – нахожу подтверждение заказа, вчера я действительно заказал двенадцать бутылок виски.

Я возвращаюсь на кухню и с недоумением складываю запасы в шкафчик. Что тут такого особенного? Я заказал больше виски, чем мне строго необходимо – ну и что? Может, вчера я подумал о чем-то, а сегодня забыл... И чем больше я смотрю на виски, тем разумнее мне кажется собственный поступок. Да, мне еще следует основательно потрудиться – записать мою историю. И потом, сейчас я выздоравливаю и тренируюсь. Меня ждет многодневный, тяжелый труд.

Двенадцать зеленых бутылок. Награда за работу. Делает белка запас – злая зима впереди.

* * *

XVI(i). Ночи проходили одинаково: в комнату Джолиона набивалось много народу. Менялось только количество гостей. Полночь, прошел час после закрытия бара. Джолион, Джек и Чад с нетерпением молча ждали. Их объединяла тайна – «Общество Игры». Эмилия, Марк и Тоби болтали и пили коктейли «Том Коллинз». Из музыкального центра Джолиона неслась песня «Хочу, чтобы меня обожали» группы «Стоун Роузиз».⁴ Гитарные рифы и хриплый вокал, как сигаретный дым, клубились, поднимались к потолку.

Тоби сладко потянулся и зевнул:

– По-моему, я все. Джолион, спасибо за коктейли!

Джолион как будто его не слышал, он что-то черкал на обрывке бумаги, лежащем на колене. Тоби резко потрянул головой:

– Завтра в два консультация, а у меня только половина эссе готова. Иначе непременно еще посидел бы с вами. – Он встал, нашел свою куртку. – Ну, пока!

Все ответили, кроме Джолиона, тот продолжает черкать. Эмилия дождалась, когда Тоби вышел и больше не мог их слышать, и все равно спросила вполголоса:

– Джолион, чего ты так взъелся на Тоби?

Джолион наконец оторвался от своих записей и ответил:

– У его папаши есть скаковая лошадь, чистокровка. – На что Эмилия пожала плечами, а он продолжал: – Ты же знаешь, Тоби учился в Итоне.

– Ну и что? Тоби не виноват.

⁴ «Стоун Роузиз» – британская рок-группа, один из лидеров так называемой «манчестерской волны» на рубеже 1980–1990-х гг.

– Эмилия, я совершенно с тобой согласен. Но ведь в таких местах, как Итон, учеников готовят к поступлению сюда. Поднимите руки те из вас, кто специально готовился к вступительному экзамену... А к собеседованию?

Никто не двинулся с места.

– Одного моего близкого друга, самого умного парня из соседней школы, не приняли сюда. Он не готовился и растерялся на собеседовании. По-моему, я прошел только потому, что профессор Джекс, мой наставник по праву, – наверняка тайный марксист, – решил таким образом сравнять счет. Так что мне просто повезло. А моему другу – нет. Вот Тоби специально готовили, натаскивали, тренировали, как чистокровную лошадь его папаши. Мы, все, кто сейчас здесь остался, по сравнению с ним – просто старые клячи. Поэтому нам так важно быть заодно, держаться вместе. Ведь Тоби и ему подобные люди тоже держатся вместе. Их объединяют титулы, привилегированные школы и «узы старой дружбы». И потом, мне не хотелось доставать травку, пока Тоби не уйдет. Если хочет забить косячок, пусть приглашает нас к себе. И сам покупает травку, отщипнув от денег на содержание лошади.

– Но Тоби очень славный, – возразила Эмилия, – он никогда не кичится своим происхождением.

– Ты права, Эмилия, извини. Лично я ничего против Тоби не имею. Он просто не совсем годится для... Ладно, потом объясню. – Джолион вычеркнул что-то в своих записях. – Джек, выдвинь второй ящик. Сегодня твоя очередь крутить.

– Почему не Чада? Я скручивал вчера.

– Потому что вчера вечером мы поручали скручивать косяки самому красивому парню в комнате, а сегодня выбрали самого смешного. Лавры победителя опять достались тебе, Джек.

Эмилия покосилась на Чада, и он быстро опустил глаза. Раньше он следил за тем, как Джолион скручивает самокрутку, и старался запомнить порядок действий. Но сам он еще ни разу не набивал косяк гашишем. Судя по всему, у остальных опыта в этом деле было гораздо больше.

– У сестры Джека есть пони, а против Джека ты как будто ничего не имеешь, – заметил Марк, не открывая глаз. Он лежал на полу, стакан с «Томом Коллинзом» стоял на его груди, как раз на вырезе футболки. Оттуда Марк удивительно ловко перемещал бокал к губам.

– У меня самого нет никакого сраного пони, – возразил Джек. – Не вздумай навешивать на меня ярлык поневаладельца. Знаете, какой я получил подарок, когда мне исполнилось столько же лет, сколько сестре? Тогда увлекались «Звездными войнами», и у всех моих ровесников были джедайские мечи и целые батальоны игрушечных роботов. А мне на Рождество подарили джемпер с картинкой из «Звездных войн».

– Не так уж плохо, – заметила Эмилия.

– Ты так думаешь? Тогда имей в виду: во-первых, моя мама сама его связала. А во-вторых, вязать она совершенно не умеет. Буквы вышли кривые, не «Звездные войны», а «Морозные волны» какие-то. – Джек почесал затылок. – Если я сбрею волосы, вы увидите, весь мой череп в шрамах от ударов ботинками «Док Мартенс». – Он притворился, будто глотает слезы, даже потер глаза кулаками. – В школе мне приходилось несладко. Уж я-то знаю, что такое «несладко». – Он ткнул рукой в сторону Джолиона на кровати. – Мне было куда хуже, чем нашему маленькому лорду Фаунтлерою на его троне!

– Во-первых, я в своей комнате, – заметил Джолион. – А во-вторых, если хочешь сесть сюда, ничего не имею против!

– Нет, мне и на галерке неплохо, – ответил Джек, ерзая на раскладном стуле, стул скрипел. – Знаешь, у меня родители и не учителя, но они научили меня знать свое место.

– Ты хоть представляешь, как мало платят учителям в нашей стране? Твой отец – какой-то там менеджер. Ты трубишь направо и налево, что твой старик служит на почте, и все пред-

ставляют, как он пешком ходит по улицам с мешком на плече. А ведь он сидит в лондонском офисе и подсчитывает прибыли и убытки.

– Да он один зарабатывает меньше, чем двое учителей.

– А вот и нет – пони-то купил!

– Ладно, ладно. Значит, ничья. – Джек вскрыл оранжевый пакетик, лизнул бумагу, скрутил самокрутку и начал ее раскуривать. Он ловил ртом завитки дыма, чтобы добро не пропадало.

Марк лежал с закрытыми глазами с тех самых пор, как попрощался с Тоби, но тут вдруг оживился – допил коктейль, перекатился на бок и спросил:

– Кого-нибудь из вас уже вызывали на встречу с ректором?

– Да, моя очередь в ближайшее воскресенье, – ответил Джек. – Эмилия, тебе ведь тоже назначено, да?

Чад посмотрел на Джека, стараясь не испытывать горечи. Американцев пригласили к ректору всех вместе, группой, через три недели.

– А я получил повестку на следующие выходные, – сказал Джолион.

– Туда стоит сходить, там подают хорошее вино, – продолжал Марк. – Но противно, что ректора интересует только одна тема: чем занимается ваш отец.

Эмилия презрительно покачала головой.

– Я пришел на встречу вместе с той фифой, Элизабет, ну, вы ее знаете, – продолжал Марк, – и вдруг к нам бочком подходит ректор в своей шерстяной кофте и тапках из кожзаменителя. «При-ве-ет, – говорит, – я Рейф Уайзмен, ректор Питта. Здра-асте, и вам тоже здра-асте. Ну, расскажите, чем занимается ваш отец». Я и сказал, что мой отец работает в книжном магазине, а мать... но я даже не договорил, как старик уже отвернулся, гремя костями, и обратился к Элизабет: «А ва-аш оте-ец?» – Марк огляделся и увидел: все взгляды были прикованы к нему. – И оказалось, что папаша милашки Элизабет – судья апелляционного суда. Старина Рейфи тут же хватает ее под локоток. По-моему, больше он за весь вечер ни с кем и словом не перемолвился. – Марк лег на спину и снова закрыл глаза.

– Марк, мы не мешаем тебе? Будешь спать? – поинтересовалась Эмилия.

– Нет. Если честно, в это время я как раз прихожу в себя. – Марк поправил подушку под головой и снова стал впадать в сон.

Чад попытался придумать, что бы сказать, на какую бы несправедливость по отношению к себе пожаловаться, но в голову так ничего и не пришло. Наоборот, он вспомнил слова представителя ректората: мол, американцы обладают правом внеочередного доступа в компьютерные залы, так как компьютеры в Питте закуплены на пожертвования американцев.

Но Джолион заговорил до того, как у него хватило времени обдумать сказанное:

– Ладно, Джек. Спорим на десятку, Уайзмен выкажет меньше интереса к моему папаше-учителю, чем к твоему – начальнику отдела почтовой службы. Если ты, конечно, не совершь, как обычно, и не скажешь, что он у тебя простой почтальон.

– Ну хоть почтальона-то позволь оставить! – взмолился Джек. – Хочу посмотреть, как Уайзмен умчится от меня, как будто столкнулся с косолапым прокаженным!

– Вы бы себя послушали, – сказала Эмилия. – Ведете себя как маленькие, хвастаете, у кого родители меньше зарабатывают и ниже по положению: мой папа не такой, мой папа не всякой, а уж твой отец определенно другой.

Чад не сразу привык к их манере вести беседу. Сам он всю жизнь стеснялся того, что вырос на ферме, а его новые друзья-англичане, наоборот, словно гордились отсутствием знатных или богатых предков. Все хвастали бедностью и рассказывали, в каких ужасных школах они учились. В Питте Чаду показалось, будто американские ценности вывернуты наизнанку или скорее поставлены с ног на голову. Постепенно Чад начал понимать своих друзей. Все они поступили в Питт благодаря своим способностям. Все они считались лучшими учениками в

своих школах. Здесь же они оказались равными среди равных, пока еще никого нельзя было назвать лучшим.

Зато прошлое имелось у всех. Отсутствие наследственных привилегий или денег становилось почетной медалью, ее они полировали на публике ежедневно. Они были самыми пышными цветками, расцветшими на самой грубой почве, как тот чемпион-стайер из Кении, который тренировался в пыли, без кроссовок. Естественным образом. Каждый из них мечтал о том, чтобы возвыситься именно благодаря начальному невыгодному положению. Откровенно говоря, все они испытывали страх. Им казалось: они оказались в Питте случайно и скоро их разоблачат и выгонят с позором.

Даже Эмилия включилась в их игру. Она делала вид, будто мальчишки ей надоели, будто ее тошнит от их манеры публично бить себя кулаком в грудь, от их петушиной задиристости. С таким же успехом парни могли бы извлечь из штанов свои достоинства (или недостатки) и мериться длиной. Она напоминала школьницу, которая вслух поносит дерущихся на школьном дворе мальчишек, а сама бежит на свидания с тем, кто ухитрился собрать больше всего скальпов и шрамов.

– Слушайте, – сказал Джек, – пусть отец Марка и работает в маленьком книжном магазине, он ведь не хозяин магазина! А его мать читает лекции в Лондонской школе экономики. А учителя, как родители Фаунтлероя, хотя бы учились в университете. Мой папаша начинал свой трудовой путь за прилавком – пошел работать в шестнадцать лет, сразу после школы. Ни у кого из моих предков нет высшего образования.

– Вы просто выводок мягкотелых южан, – с презрением заявила Эмилия. – И, кстати, вы все проиграли, хотя это и не имеет значения.

– Хотя ты из Йоркшира, но это не означает, что ты автоматически становишься победительницей, – возразил Джек. – Все равно, выкладывай. Вперед, блондиночка!

Эмилия молниеносно пнула ботинком в голень Джека. Тот вскрикнул:

– Черт, больно же!

– Вот именно, – кивнула Эмилия. – Еще раз назовешь меня блондиночкой, получишь по морде!

– Ладно, ладно. – Джек поднял руки вверх. – Ну, давай, рассказывай нам о том, как тяжела жизнь на Севере.

– Мой отец был шахтером, – сказала Эмилия.

– Ничего себе! Вот здорово! – воскликнул Джек.

– Что ты имеешь в виду? – Эмилия снова приподняла ногу.

– Ничего, ничего. – Джек замахал руками, в притворном испуге глядя на ботинки Эмилии. – Правда, ничего плохого. Объяснимся позже. Джوليон, мы ведь им потом все расскажем?

– Ну да, – ответил Джوليон. Он сложил пополам обрывок бумаги и положил на прикроватную тумбочку. – Шахтер. Знаешь... Эмилия, это просто... здорово. – Ему хотелось сказать «круто», но он боялся показаться Эмилии поверхностным и нечутким. – И что с ним случилось, когда Тэтчер объявила рабочему классу решительный бой?

– Он проиграл, – ответила Эмилия. – Они сражались и проиграли. – Она опустила голову и тяжело вздохнула. – Сейчас-то у него все наладилось. Какое-то время просидел без работы, а сейчас нашел себе дело – ремонтирует кухни. Время от времени. Но из-за тех событий в прошлом родители развелись.

Чад тихо сидел в кресле у стены. Он мог смотреть на Эмилию, не поворачивая головы, ему нужно было лишь чуть скосить глаза, чтобы она не заметила его взгляда, если вдруг поглядит на него. Чад все время приказывал себе посмотреть на нее в упор и не отводить глаз в сторону.

– А ты, Чад? – спросила Эмилия. – Наша малышня не успокоится, пока не втянет в игру всех.

– Я американец. – Чад пожал плечами. – Что тут скажешь?

– Ваш культурный уровень значительно ниже нашего, – заявил Джек, – и вы нахально присвоили себе почти всю славу за победу во Второй мировой войне. – Он раскурил самокрутку, жестикулировал ею, хохотал и пытался говорить с американским акцентом. – Йоу, Эмилия! Чад из крутейшего на свете города Ну-Йорка! Извините, это худшая пародия с тех пор, как Дик ван Дайк⁵ изображал кокни. – Джек еще некоторое время пробовал говорить с акцентом, но быстро переключился на другое: – Придумал! Знаете, что нам всем надо сделать? Летом слетать в гости к Чаду. Будем есть «пастроми на ржаном», хотя я понятия не имею, что это значит. Свою пастроми я съем на вершине Эмпайр-стейт-билдинга. Как Кинг-Конг.

Чад быстро понял: для англичан Нью-Йорк ассоциируется только с Манхэттеном. Но поправлять Джека он не стал. Чад никому в Англии, кроме, конечно, Джолиона, не рассказывал о ферме, на которой он вырос. Ферма его родителей находилась на расстоянии целого мира от Манхэттена.

Манхэттен – совсем узкая полоска земли в штате, остров, похожий на очень маленький пенис на античной скульптуре. Чад был на Манхэттене только один раз, в детстве, пришлось добираться туда целых четыре часа с его свиноводческой фермы в северной части штата, между Катскиллскими и Адирондакскими горами. А четыре часа к северу от города Большого яблока – это уже на полпути к Канаде. Нет, англичане не понимают, что американцы, говоря «Нью-Йорк», чаще всего имеют в виду штат, территорию размером с Англию. Поэтому всякий раз, если говорили, что Чад из Нью-Йорка, он всеми силами старался изобразить уроженца Манхэттена. Правда, получалось у него неважно.

– Ну да, конечно, – сказал он. – Приглашаю всех! Кстати, Джек, пастроми на ржаном – это сэндвич. Копченая говядина, нарезанная кусочками и наваленная между двумя ломтями ржаного хлеба. В Нью-Йорке эти сэндвичи размером с твою голову.

Джолион улыбнулся Чаду, но промолчал. Если Чаду так хочется, он, Джолион, ему подыгрывает.

И все равно Чаду было очень стыдно. Довольно скромное детство Джолиона по сравнению с его детством казалось несправедливым преимуществом. Они делились друг с другом детскими воспоминаниями несколько дней назад, пробуя коктейли «Александр». И чем больше Чад рассказывал о своем детстве, тем больше Джолион завидовал своему новому другу и восхищался им. Мальчик из богатейшей страны на земле – сын фермера, который разводит свиней. Запах семейного бизнеса каждый день пропитывал его одежду. Утром он специально выходил на остановку школьного автобуса заранее, чтобы одежда хоть немного проветрилась, но тот запах въедался в кожу и волосы... Вечная слякоть с прожилками зелени...

Но все-таки Джолион представлял себе его жизнь в слишком мрачном свете, а подробности позволяли ему еще больше наслаждаться рассказом. Джолиону такая биография, как у Чада, казалась необыкновенно романтической. Чад – мальчик из небогатой семьи фермера, выросший на соломе и в навозе, стал лучшим учеником школы, ему поручили произнести речь на выпускном вечере. Этот круглый отличник получил стипендию и бежал оттуда.

Если Чад не желал больше ни с кем делиться подробностями своей прежней жизни, наверное, имел на это право. Чаду не хотелось, чтобы другие знали о его прошлом. Даже он.

Джолион похлопал себя по бедру и объявил:

– Похоже, победу одержала Эмилия!

Чад пожалел, что не он объявил о победе Эмилии. Когда косяк перешел к нему, он затаился. Ему показалось, что самокрутка отдает шалфеем и горелым тостом, а еще смутно напминает начинку для праздничной индейки, которую готовила мать на День благодарения. Он

⁵ Дикван Дайк – американский актер-комик, сценарист и продюсер.

выпустил дым, стараясь не брызгать слюной. Голова стала легкой, как будто бы превратилась в яркий воздушный шарик.

Эмилия ненадолго закрыла глаза, и Чад получил возможность смотреть на нее не отрываясь. Ее лицо успокаивало, как закат, прядь светлых волос упала на щеку. Чад представил, как осторожно заправляет ее за ухо, любовался нежным пушком на ее лице и представлял, как будет с ней нежен, а она затрепещет и тихо застонет от удовольствия. Потом она бросится к нему в объятия и уткнется носом ему в шею.

Чаду казалось: ему не хватает тестостерона. Думая об Эмилии, он в основном представлял себе невинные поцелуи и объятия. Может, отец прав насчет него? Наверное, у настоящих мужчин мысли более плотоядные. Правда, нельзя сказать, что его созревание проходило без эрекции и тайных процедур в ванной комнате. Но он пытался себя ограничивать. В мастурбации ему чудилась напрасная трата сил (и почему он всегда, даже про себя, употребляет такие ужасные, наукообразные слова?), ему представлялось что-то неправильное, неуважительное по отношению к неизвестной будущей жене. Сейчас же больше всего ему хотелось прижать к себе Эмилию и нежно ее целовать.

Она открыла глаза, улыбнулась ему, и он мимолетно улыбнулся в ответ, правда, потом поспешил отвести глаза, как будто просто озирался по сторонам. Чад ненавидел себя за жалкую бесхребетность. В тот миг он дал себе зарок: однажды он признается Эмилии в любви к ней. Но обстановка должна быть правильной, тогда он произнесет нужные слова. Они останутся только вдвоем. Свечи, хорошая музыка, Билли Холидей, Чет Бейкер. А внутри его – полбутылки вина, согревающего и вдохновляющего.

* * *

XVI(ii). Джек протянул косяк Марку, а потом начал играть с вещами Джолиона, перебирать их и рассеянно передвигать по столу. Там стояла кружка, флакон с аспирином, зубная щетка, пластмассовая вилка и полоска фотографий Джолиона, сделанная в фотоавтомате. Кружка возвышалась на дневнике Джолиона и тонком томике по римскому праву. Книги, в свою очередь, лежали на двух стаканах для воды. На дне одного стакана валялись наперсток и маленький высушенный бутон розы.

– Не трогай! – крикнул Джолион, когда заметил, чем занят Джек, подскочил к нему и вырвал кружку. – Оставь мои вещи в покое, понял?

– У тебя там какая-нибудь долбаная инсталляция?

– Нет, его список дел, – ответил Чад, увидел перекошенный рот Джолиона и пожалел о том, что не сумел удержать язык за зубами. – Не спрашивай, – добавил он. – Так, пустяки.

Джек отошел от стола и снова устроился в кресле, а Джолион с бормотанием принялся раскладывать свои вещи по местам.

Эмилия почувствовала растущее напряжение и попробовала все сгладить.

– Ну, Джолион, – сказала она, – когда же мы наконец услышим то, что ты весь вечер собирался нам сообщить?

Джолион повернулся к ней, уголки губ приподнялись в улыбке.

– Сейчас, Эмилия, уже совсем скоро, – ответил он, поставил флакон с аспирином в кружку и запрыгнул на кровать.

* * *

XVII. Позвольте мне кое-что прояснить. Я не собирался вас обманывать, цель моего рассказа совершенно другая. Сейчас я перечитал все написанное до сих пор. Похоже, я так и не назвался. Просто забыл. А впрочем, в подсознании я собирался лишь проиллюстрировать

расстояние, какое я прошел со времени моей юности – очутился на другом континенте. Итак, позвольте представиться по всей форме. Здравствуйтесь, меня зовут Джолион Джонсон. Очень рад с вами познакомиться.

Кроме того, я не объяснил кое-что еще. Рассказ мой должен служить не только предостережением и моим признанием. Я пишу для понимания настоящего Чада, того, все время скрытого. Если я сумею понять истинного Чада, возможно, мне удастся его победить.

* * *

XVIII(i). Рассказывал в основном Джолион, который не возражал, когда Джек расцветивал его повествование яркими деталями. О пахарях и о «носочниках». В изображении Джека трое из «Общества Игры» стали какими-то ведьмами из «Макбета».

В комнате плавали облака сизого дыма. Марк по-прежнему лежал на полу с закрытыми глазами, но, услышав об «Обществе Игры», слегка приподнялся на локтях – признак небывалого воодушевления, и вдруг сказал:

– Записывайте меня!

– И все? – спросила Эмилия. – Ты хочешь участвовать в игре, Марк? И никаких вопросов?

– Предложение очень интересное, – ответил Марк. – Сейчас везде мало интересного.

– И представь, сколько у тебя появится возможностей унижить Джека, – сказал Чад.

Эмилия нахмурилась и возмутилась:

– Как я могу унижить Джека больше, чем он сам унижает себя каждый день? Собственными словами!

– Нет, все правильно, – возразил Джек, – твои слова лишний раз доказывают, что психологам до историков далеко. – Джек изобразил, будто раздирает рубашку у себя на груди.

– Эмилия, а вдруг он прав? – сказал Джолион, испытующе глядя на нее. – Что, если Джека победить невозможно?

– Еще как возможно! – презрительно ответила Эмилия. – Ему щитом служит чувство юмора. Остается выяснить, от чего он себя защищает, и наш историк... уйдет в историю. – Она поморщилась: – Каламбур получился. Извините, я не хотела!

– Видите, милая с виду студентка-психолог уже на шаг впереди всех нас, – произнес Марк, и его локти безвольно заскользили по полу. Наконец его голова снова очутилась на подушке, и он пробормотал: – А это уже интересно.

– Десять тысяч фунтов, Эмилия, – сказал Джолион и присвистнул. – И потом, представьте, как будет весело! Наверное, Игра нас всех очень сплотит. А нам нужно держаться вместе, не забывайте.

Эмилия поерзала в кресле, как будто ей вдруг стало неудобно, и призналась:

– Лично для меня дело вовсе не в деньгах.

– Не в деньгах? – удивился Джек. – А ты подумай, сколько красивых туфель ты сможешь на них купить!

– Джек, заткнись, а?

– Да ладно тебе, Эмилия, скажи «да», хотя бы на время, – сказал Джолион.

Чад узнал знакомые интонации в его голосе, такую просьбу Джолиона *не разочаровывать его*. Но Джолион, похоже, как будто не сознавал силы своих слов. Чад полагал, что друг не был бы и вполонину убедителен, будь его методы всего лишь уловкой, трюком.

– Эм, пожалуйста... ради нас всех!

Эмилия какое-то время смотрела в пол, а потом перевела взгляд на друзей:

– Ну ладно... Допустим, я участвую. Но прежде чем мы пойдем дальше, мне бы хотелось узнать больше об этом странном маленьком «Обществе Игры».

С закрытыми глазами Марк еще раз затянулся и помахал самокруткой в воздухе.

– Да ведь это почти самое интересное, – заметил он, когда Джолион забрал из его рук бычок.

– Кто они такие, я не знаю, – начал Джек, – зато могу точно сказать, кем они не являются. Они не скрытые гомосеки, как «носочки».

– Джек, да ты гомофоб! – воскликнула Эмилия.

– Что тут гомофобского? – наигранно возмутился Джек. – Неужели надо называть человека гомофобом только потому, что он признает в другом настоящего скрытого гея? Достаточно взглянуть и увидеть в его глазах то, что он прячет свое истинное «я» от равнодушного общества! Согласитесь, прежде чем на самом деле посочувствовать человеку, вначале необходимо разобраться, кто он такой! Разве моя проницательность и склонность замечать, что кое-кто подавляет свои истинные потребности и желания, – гомофобия? Он подавляет свои мечты, свою жажду... свою всепоглощающую любовь к длинному и твердому мужскому члену!

Джолион закашлялся дымом, он пошел у него из носа, и глаза наполнились слезами.

– Вот видишь, Джек, – сказала Эмилия, – ты считаешь нетрадиционную ориентацию чем-то смешным. Ты постоянно шутишь про голубых, хотя на самом деле нет ничего смешнее, чем секс обычный. Одни сплошные поезда и туннели. С помощью юмора ты пытаешься отгородиться и защититься от всего, что тебя пугает. А это тебя явно пугает. У тебя настоящая фобия, Джек, страх – это и есть фобия.

– Слушайте, – начал Джек, – ничего я не боюсь. А гомосеков так просто обожаю. И потом, мне кажется, у нас нет особых причин для разногласий. Наоборот, мы можем кооперироваться, чтобы достичь целей. Взять, к примеру, женщин. Нам хочется их трахнуть, а геи любят с ними разговаривать. Ни мы, ни они не интересуемся действиями друг друга. Так что мы, конечно, можем прийти к какому-то взаимовыгодному соглашению.

– По-моему, они шпионы, – произнес Марк, вдруг садясь. – Ой, Джек, извини, я имел в виду не геев, а «Общество Игры». Я не хочу сказать, что моя догадка гораздо любопытнее твоих постоянных шуточек и подколов.

Тут Марк и Джек переглянулись, как дуэлянты, которые оценивают расстояние до барьера. Затем Марк продолжил:

– Всем известно, что наш университет долгое время был и, возможно, остается до сих пор вербовочной площадкой для британских спецслужб. Кстати, Джек, ходят слухи, что твой наставник по истории – один из их «охотников за талантами».

Джек кивнул и одними губами ответил:

– Так и есть.

– Вероятно, «Общество Игры» подыскивает умных и предприимчивых молодых людей, а игра, чем бы она ни кончилась, – своего рода проверка, испытание. Достойны ли мы вербовки?

– Но если они из английской разведки, с какой стати они прислушались ко мне, американцу? – спросил Чад. – Всем остальным, кто подходил к ним до нас, они тут же отказывали!

– Ты что же, думаешь, что англичане не шпионят в Америке? – поинтересовался Марк. – Я не сомневаюсь, американцы, в свою очередь, тоже шпионят за нами. И, наверное, делают это гораздо лучше, чем мы. А вдруг они увидели в тебе потенциального двойного агента? – Марк допил коктейль одним мощным глотком. – Вот смотрите: мы все, кто сейчас здесь, друзья. Но я вовсе не ожидаю, что мы все время будем говорить правду о себе самих. Не сомневаюсь, то же самое происходит с так называемыми англо-американскими особыми отношениями. И потом, кто еще, кроме спецслужб, способен выкинуть на ветер десять тысяч фунтов?

– Кстати, денег мы еще не видели, – заметила Эмилия. – Может, это обман, какой-нибудь дурацкий студенческий розыгрыш?

– Я знаю, кто в состоянии себе такое позволить, – сказал Джолион. – Помните, позавчера Тоби рассказывал о каком-то тайном обществе? Как они называются?

– «Сарацины», – произнес Джек и в ответ на вопросительный взгляд Эмилиии пояснил: – Клуб для пафосных богатых мальчиков. Помните, фото на паспорт, мы сдавали их вместе с анкетами и заявками на комнату в общежитии? Так вот, «Сарацины» каким-то образом раздобыли фото всех первокурсниц и отобрали самых симпатичных. Они собираются приглашать тех девушек на свои вечеринки с шампанским, кокаином и сексом.

– Элизабет поделилась со мной на приеме у ректора, – вспомнил Марк. – По ее словам, с неделю назад она тоже получила приглашение на какую-то таинственную вечеринку с шампанским.

Джек пытливо посмотрел на Эмилию и заметил:

– Не переживай, Эмилия. Наверное, твое приглашение просто затерялось на почте.

Эмилия снова замахнулась ногой, но Джек успел подготовиться: отъехал подальше от опасности, ведь его стул был на колесиках.

– Как будто мне хочется, чтобы на меня плотоядно пялились богатенькие мальчики в дурацких бабочках, у которых счета в банке «Куттс»! – Эмилия грязно выругалась. Она редко это делала, поэтому после ее слов в комнате воцарилась тишина, как будто кто-то сказал: «Аминь».

– Нет, «Сарацины» не подходят, – возразил Марк. – Судя по их внешнему виду и разговору, у них просто мозгов не хватит тратить деньги на что-нибудь получше, чем выпивка, кокаин, охота за девочками и возмещение ущерба после того, как они разнесут рестораны, где встречаются.

– Не похоже, что троица из «Игры» любит устраивать дебоши, – заметил Джолион.

– Вовсе не обязательно, что за всем стоят «Сарацины», – сказал Чад. – Разве в Оксфорде мало других богачей? И тысячи клубов. А может, это психологический эксперимент? По-моему, студентов часто используют в качестве подопытных кроликов...

Все посмотрели на Эмилию. Хотя в университете они пробыли недолго, но уже привыкли считаться с мнением друг друга в тех специальностях, которые они для себя избрали.

– В наши дни такие опыты считаются неэтичными, – ответила Эмилия. – В отличие от недавнего прошлого, когда проводились эксперимент Милгрэма или Стэнфордский эксперимент.⁶ – Она отмахнулась от Джека, протянувшего ей самокрутку: – Убери от меня эту гадость!

Джек пожал плечами и сказал:

– Эм, соглашайся! Ты ведь прекрасно понимаешь, рано или поздно мы все равно тебя соблазним. Букмекеры даже ставок не предлагают. Ты и сама прекрасно знаешь, что так будет.

* * *

XVIII(ii). – Первым делом нужно решить самое главное, – сказал Джолион. – Кого еще нам пригласить? Нужно шесть игроков. А нас пока только пятеро. – Он помахал своим листком бумаги со списком из двадцати с лишним имен, он их вычеркнул. – Так никого и не придумал, – признался он.

– Давай сначала обсудим задания, – предложил Джек.

– Нет. Игра должна вестись честно и демократично. Пока не соберется полный комплект, больше ничего решать не будем. На обсуждении должны присутствовать все участники. И все вопросы необходимо решить голосованием.

⁶ Речь идет об эксперименте психолога С. Милгрэма из Йельского университета (1963 г.), в ходе которого Милгрэм пытался выяснить, сколько страданий готовы причинить обыкновенные люди другим, совершенно невинным людям, если причинение боли входит в их рабочие обязанности. Стэнфордский тюремный эксперимент проводился в 1971 г. американским психологом Ф. Зимбардо. Он изучал реакцию человека на ограничение свободы, на условия тюремной жизни и влияние навязанной социальной роли на поведение.

– А! Значит, у нас демократия? – ехидно спросил Джек. – И ты только что сам это решил, да, Джолион? – Он размял в пальцах самокрутку и нагнулся к Марку.

Тот щелкнул зажигалкой:

– Джек, ну-ка, скажи, кто все придумал?

– Я просто так, – ответил Джек. – Я пошутил, ясно?

Марк сильно затынулся и надул щеки, глубже втягивая дым. После каждой затяжки он называл имя очередного кандидата на вакантное место. Но ни один из них не подошел: слишком богатый... слишком самонадеянный... слишком манерный... слишком самодовольный. С каждым новым отказом Джолион все плотнее поджимал губы.

– Ну, я больше никого не могу придумать, – произнес Марк.

Эмилия огляделась по сторонам и сказала:

– Нам определенно нужна еще одна женщина.

– Согласен, – кивнул Джолион. – Целиком и полностью.

– Может быть, Касси? – предложила Эмилия. – Она живет в соседней комнате со мной.

– Кто такая Касси? – спросил Джек.

– Да ты ее знаешь, – ответил Марк. – Кассандра Аддисон. Только ты ее зовешь Дэ.

– Нет, только не Дэ! – воскликнул Джек. – Мы с ней приехали в Питт в один день, одно временно, и я чуть не попросил отца сразу везти меня домой. Представляете – выхожу из машины, а мимо идет она и тащит чучело кролика! Не мягкую игрушку, а настоящего кролика, который когда-то жил и грыз морковку! А сама в каком-то драном свадебном платье из магазина подержанных вещей... На вид платье пятидесятилетней давности.

Джолион взволнованно ткнул в Эмилию пальцем:

– Ты имеешь в виду Хэвишем! Мы с Чадом прозвали ее мисс Хэвишем!⁷ Большой Дейв – ты его знаешь, такой волосатый шотландец – однажды пригласил ее выпить, и она заявила в «Герб Черчилля» в свадебном платье. Дейв уверяет: ему придется несколько лет лечиться у психоаналитика, прежде чем он еще раз осмелится заговорить с какой-нибудь девушкой... – Джолион взял ручку.

– Джек, почему ты зовешь ее Дэ? – спросил Чад. – Она что, увлекается китайской философией? Даосизмом?

Джек разложил на книге все составляющие для изготовления самокруток и ответил:

– Она сочиняет стихи. Ну да, я знаю, здесь многие считают себя поэтами. Но с Дэ дело другое. У Дэ Аддисон особая миссия... По ее словам, когда она напишет пятьсот стихотворений, – слушайте дальше, вам понравится, – так вот, как только она допишет последнюю строчку пятисотого стиха, – Джек взволнованно задрыгал ногами, – она покончит с собой.

Марк выпустил дым с угрожающей скоростью и выпалил:

– Вот черт! Нет, такую нам не надо... Кстати, – продолжил он уже спокойнее, – если вы поймаете меня на том, что я пишу пятьсот стихов, позволяю вам меня расстрелять.

Эмилия вздохнула и сказала:

– Все неправда. Какие же вы иногда бываете зануды!

– Это правда, на сто процентов, – возразил Джек, хлопая себя ладонями по бедрам. – Нам обо всем рассказал Рори, а он посещает с ней один семинар по «Беовульфу». Как-то он зашел к ней за какими-то примечаниями к занятиям, увидел – она пишет стихи. Он и поинтересовался, чем она занимается.

– С какой стати нам верить Рори? – спросил Джолион.

– Такое не выдумаешь, – ответил Джек и подался вперед. – Это еще не самое страшное! Она пишет стихи красными чернилами в огромной толстой книге, и у нее есть большая

⁷ Мисс Хэвишем – персонаж романа Ч. Диккенса «Большие надежды». Мисс Хэвишем много лет носит пожелтевшее подвенечное платье.

книга с пергаментными страницами. А каждый стих нумерует римскими цифрами. Вот почему Рори прозвал ее Дэ. Если помните, этой буквой в латыни обозначается число пятьсот. А может быть, она и выбрала такое число, потому что оно начинается с буквы «Д»? Как в слове «дурь». Говорю вам, крышу у нее давно совсем снесло.

Джолион написал на листе «Дэ/Хэвишем» и задумчиво спросил:

– Интересно, какой по счету стих она пишет сейчас?

– Я точно не знаю. Но Рори уверял, что он заметил несколько букв «С», по крайней мере три. Кто знает, с какой скоростью она сочиняет свои вирши? Ну разве не замечательно, что в нашем колледже появится еще одна самоубийца?

Эмилия нанесла удар так быстро, что Джек не успел отскочить. Она заехала ему подошвой в то же место, что и в прошлый раз, только вдвое сильнее.

– Джек, просто ужас, что ты говоришь! – Она подскочила к нему и замахнулась, собираясь влепить ему пощечину, но Джек проворно упрыгал в угол на здоровой ноге. – Как можно думать о таком? Да еще произносить вслух?

Джек спустил носок и показал всем свою голень.

– Ничего себе! Завтра будет багровый кровоподтек, – сказал он. – Посмотри, что ты со мной сделала!

– Что значит «еще одна самоубийца»? – спросил Марк.

– А ты вспомни происшедшее лет пять назад, – ответил Джек.

Марк недоуменно пожал плечами.

– Господи, Марк, ты что, газет не читаешь, телевизор не смотришь? Ну и невежда же ты!

Марк поморщился:

– Извини, наверное, для газет и телевизора я слишком занят: пытаюсь понять скрытый механизм жизни, лежащий в основе Вселенной.

– Ну прости, Эйнштейн, – ответил Джек. – Пять лет назад та история наделала настоящую сенсацию. Студентка Оксфорда кончает жизнь самоубийством из-за плохой оценки на экзамене. Неужели в элитных университетах такая жесткая обстановка? Виноваты ли наркотики в смерти симпатичной умницы Кристины Балфур? Или нет? Она специализировалась на античной филологии, провалила первый публичный экзамен на степень бакалавра, не справилась с напряжением и прыгнула с башни.

Марк опять пожал плечами и затаился, а Джек продолжил:

– Мы собираемся впустить в свой круг психически неустойчивую девицу, которая вот-вот вскрыет себе вены, и если нам удастся помочь ей живой сдать первые экзамены, то удостоимся высших баллов за человеколюбие.

Эмилия вскочила на ноги.

– Эмилия, Эмилия! – воскликнул Джолион. – Перестань! Мы все знаем, какой Джек бывает мерзкий и противный. Но если ты будешь постоянно применять к нему методы физического воздействия, ты так поддержишь его, он больше всего жаждет внимания. И еще есть реальная опасность, что когда-нибудь он по ошибке примет это за влечение.

Эмилия села, скрестила руки на груди и поморщилась, как будто съела лимон.

– Ну вот, Эм, – продолжал Джолион, – ты живешь по соседству с Дэ, наверное, ты успела лучше ее узнать, тебе стало известно не только об ее пристрастии к свадебным платьям. Так, теперь важный вопрос. Ее родители богаты?

– Нет, – ответила Эмилия. – Точнее, она понятия не имеет, богаты ли они были. Ее мама умерла, когда ей было три с чем-то года, а кто ее отец – неизвестно. Тогда ее забрали в приют. В подростковом возрасте она жила поочередно в нескольких приемных семьях, но ни в одной ее не могли выносить дольше года. Так что ты, Джек Томсон без «п», вполне заслуживаешь пинка!

– Ладно, ладно! – буркнул Джек. – Значит, она – сиротка Энни. Простите великодушно. Я не знал.

– Дамы и господа! – сказал Джолион. – По-моему, мы нашли шестого! – Он помахал своей бумажкой, как флагом, положил ее на колени и подчеркнул «Дэ/Хэвишем», после короткого раздумья подчеркнул имя еще раз.

* * *

XIX(i). На улице свежо, голова моя немного успокоилась. Перечитывая уже написанное, я вспоминаю некоторые происшествия последних дней. Правда, остается несколько черных дыр. Читая строки, я не могу вспомнить, как писал их. Нахожу напоминание для себя и сразу вспоминаю его смысл. Кладу спичку в кофейную чашку, а кофейную чашку ставлю на тарелку для завтрака. Да, завтрак на свежем воздухе.

Кстати, я придумал еще кое-что...

Не забыть поставить кроссовки на кровать. А когда наткнусь на них перед сном, надо найти им место в повседневности. Может, под второй тарелкой? Ежедневные послеобеденные прогулки пойдут мне на пользу. Распорядок жизненно необходим.

* * *

XIX(ii). Я помню: отныне мое главное лекарство – внешний мир. После обеда заканчиваю необходимые дела, надеваю кроссовки и подхожу к двери. Дверь рядом с окном во двор. Делаю несколько глубоких вдохов и одновременно смотрю из своего окна на окна других квартир. Вижу человека, который машет пультом от телевизора, как волшебной палочкой, женщину, которая с вилки кормит своего жирного рыжего кота, вижу внизу темный двор, металлические трубы, проволочную сетку. И вдруг мое внимание кое-что привлекает. Я смотрю на крышу дома напротив с низкой оградкой из белого штукетника. На крыше разбит садик: в больших синих кадках растут чахлые деревца, рядом стоят терракотовые поддоны с цветами, столы и стулья. Я вспоминаю Блэр и наш с ней садик на крыше в Верхнем Ист-Сайде. Как мы прохладными вечерами пили розовое вино с соседями. Жизнь, замусоренная поверхностными радостями. Все это я потерял.

* * *

XIX(iii). Я спускаюсь на улицу, поворачиваю налево и вскоре дохожу до тенистого парка. Сажусь на скамью у входа, наискосок от каменных шахматных столов, сгрудившихся в углу, как грибы на лесной поляне. Игра ведется только за двумя столами, но все места за остальными тоже заняты. При наблюдении за игрой у меня появляется прежний зуд. Встаю со скамейки и бреду по парку. Тропинки извилистые и тенистые. Прохожу мимо собачьей площадки, мелкие собачки тявкают и возятся в грязи. Крупные собаки бегают кругами, взметая комья земли.

Несмотря на внутренний зуд, начало было хорошее. Наверное, это все, что мне следует ожидать от жизни, – радоваться возможности наблюдать за тем, как вертится земля.

Бросил я Питт, не проучившись и года, диплома нет, вот мечта стать адвокатом так и осталась мечтой. Да я бы все равно не стал хорошим адвокатом из-за расшатанных нервов. Поэтому все кончилось. Цель моей жизни – крестовый поход за справедливость, защита невиновных – рассыпалась в прах.

Бросив университет, я почти год проработал на заводе, на конвейере, жил у матери. И вдруг – сюрприз, рука помощи от ректора Питта. Я переехал в Лондон и поступил в одну

юридическую газету. Так я попал в журналистику. Писать я умею без особого труда, и мне показалось – наконец-то нашел дело, где могу отличиться. Теория была хороша, но на практике все мои замыслы оказались необоснованными.

Журналистом я оказался посредственным. Забитое создание, в которое я превратился, не могло приставать к людям с нескромными вопросами. Я сплетал красивые слова ни о чем, в каждом интервью боялся кого-нибудь обидеть. Я стал человеком, который предпочитает не совать нос в чужие дела. В юности, когда меня интересовало все, окружающие часто поведали мне свои секреты. Тогда я смотрел на мир с жадностью, это вызывало симпатию людей. Но после двадцати лет я постепенно изменился, стал совершенно другим человеком – кто смотрит внутрь себя и видит тени. Мир для меня замкнулся.

Если не считать работы, я жил уединенно. Понемногу шелуха сознания вины и горя отваливалась. Я начал совершать робкие вылазки во внешний мир, даже обзавелся несколькими друзьями. А потом познакомился с Блэр, красавицей Блэр. Она надеялась меня вылечить. Она на самом деле очень хотела меня вылечить. Именно желание действовать всегда притягивало меня к американцам, живущим за границей. Она приехала в Лондон из Бостона и год училась в Лондонской школе экономики. Временные рамки ускорили процесс. Я сделал Блэр предложение до того, как она окончила курс. Мы поженились в Фулеме. Мы были счастливы, были влюблены. Но уже тогда я с ужасом ждал даты, когда мне исполнится тридцать четыре года. Бегство за границу стало разумным выходом по нескольким причинам.

Мы переехали сюда, в Штаты, где мне снова помогли проникнуть в мир журналистики. Отец Блэр задействовал нужные связи, и меня взяли в газету. Естественно, я оставался нервным и застенчивым. Меня быстро понизили и поручили перерабатывать тексты, написанные другими. Я переписывал и компилировал, излагал своими словами чужие статьи, я переделывал материалы тех, кому хватало мужества общаться с людьми и кто не потерял интереса к жизни.

И все время, пока мы были вместе, Блэр пыталась меня вылечить. Она старалась, но у нее ничего не вышло. И виноват во всем только я. Потом мы развелись, и папаша Блэр снова нажал на нужные кнопки, очень постарался. Через несколько дней меня уволили.

Так что, как видите, Игра лишила меня всего. Образования, будущего, о котором я мечтал, возможной карьеры, жены, счастья...

И сейчас, если я хочу снова радоваться жизни, мне нужно сделать только одно – я обязан победить. Если не считать смерти, победа – единственный выход из ловушки.

Но прежде чем я вернусь к тренировкам, должен задать вам вопрос. Потому что вам придется все обдумать и, еще до того, как я закончу рассказ, высказать свое мнение обо мне.

Кто я такой? Убийца или невинный человек?

* * *

XX. Она пришла вся в черном. Джек смотрел на нее разочарованно. Правда, ее платье было кружевным, с оборками. Склонившись к ней и протянув зажигалку, Джек спросил:

– Касси, а где твое свадебное платье?

Касси посмотрела на него без всякого выражения.

– Вот оно, – указала она, потом достала бирюзовую сигарету из жестянки, раскрашенной всеми цветами радуги. – Но мне пришлось выкрасить его в черный цвет.

– Интересно, – заметил Джек. – А зачем?

Чад и Джолион сидели рядом на кровати Джолиона. Чад внимательнее посмотрел на черное платье и теперь ясно увидел – когда-то оно было подвенечным. Потом посмотрел на волосы девушки, в тон платью черные и блестящие, как виниловые пластинки. Чад вспомнил: в прошлый раз, когда он видел Касси, волосы у нее были каштановые.

Она выпустила дым из угла рта:

– Джек, я покрасила платье в знак траура по утраченной девственности! – Касси язвительно прищурилась. – Белый цвет мне больше не к лицу.

Джек глотнул слюну, адамово яблоко заходило вверх-вниз.

– Видел бы ты сейчас свое лицо, Джек! – продолжала Касси. Потом она повернулась к Эмили: – Он гораздо симпатичнее, когда смущается, ты не находишь?

Эмилия пожала плечами, она молча наслаждалась происходящим.

– Ничего я не смутился, – проворчал Джек, разваливаясь в кресле. – Расскажи, как ты потеряла свою вишенку. В какой форме все происходило? Девочка сверху? Оральное удовольствие? А может, анальный секс?

Касси лукаво улыбнулась, в ее красоте было что-то озорное.

– Когда у тебя свидание с экипажем гребной лодки, то можешь наслаждаться всеми тремя вариантами одновременно, – ответила она.

Джек расхохотался:

– Все, все, ты победила! – Он так развеселился, словно предвидел еще много схваток с Касси.

Касси прижала руку к животу и поклонилась, благодарность ее была чуть более заметна, чем простой кивок.

– Не волнуйся, Джек, – сказала она. – На самом деле я не очень люблю гребцов. И я уже довольно давно не девственница. А платье выкрасила потому, что мне просто захотелось выкрасить его в черный цвет. – Она затянулась и выпустила дым тонкой струйкой. – А почему ты делаешь то, что делаешь, Джек? Например, задаешь нескромные вопросы, притворяешься, будто просто шутишь?

– Потому что я по натуре сволочь, – ответил Джек. – У меня это наследственное. Я прихожу из старинного рода сволочей. И, наверное, я должен признаться, хотя и не без смущения, мне нравится быть сволочью. Кроме того, меня неправильно воспитывали. В молодости мои родители хипповали, а после сорока превратились в консерваторов. И коммуна распалась... Все четверо решили разбежаться.

– Тебя воспитывали четверо родителей в коммуне? – с сомнением переспросила Касси.

– Да, – сказал Джек. – А теперь прикинь: с четырьмя родителями по математическим законам существует шесть возможных вариантов совокупления. И я точно знаю: пять из этих вариантов имели место. Все сложно, но если хочешь, нарисую тебе схему...

– Все трахались со всеми, – подал голос Марк, как всегда лежащий на полу. – Он любит рассказывать все подробности сложнее, чем все было на самом деле, видимо, считает, что так экзотичнее. Но по сути все сводится к тому, что все трахались друг с другом всеми возможными способами, если не считать двух его папаш. А если его подпоить, он признается, и насчет папаш у него есть подозрения. – Марк поднес стакан к губам. – Вот чем заканчиваются разговоры с нашим любимым Джеком-разрушителем, с Джеком Томсоном без «п».

– Легче всего свалить все на родителей, – заметила Касси. – Кстати, по некоторым меркам, четверо родителей – довольно скромно.

Все замолчали, Касси опустила голову и медленно прислонила кончик сигареты к краю пепельницы. Дождавшись, когда на кончике образуется аккуратный конус пепла, она снова затянулась.

Чад одновременно жалел Касси и немного завидовал ей. Он часто представлял, что он – сирота, усыновленный в младенчестве. Не сын фермера-свиновода, а тайное дитя интеллектуала, писателя-бабника или ученого, погибшего во время рискованного эксперимента. В своих фантазиях он не представлял миллионера своим отцом. Ему только хотелось понять, почему он так не похож на остальных членов семьи. Вот о чем он мечтал. Когда-нибудь мать признается

ему: у нее был роман на стороне, что фермер на самом деле не его отец, их физическое сходство ничего не значит, это просто совпадение. Все, что угодно, лишь бы не быть его сыном...

Чад завидовал новым друзьям даже из-за того, что у них у всех родители развелись. Как, наверное, интересно жить на два дома, с расколотым прошлым. У них есть причины быть интересными, а у него есть только предлог, чтобы быть скучным.

Касси вскинула глаза на Джека, лукаво улыбнулась и, пуская дрожащие колечки в сторону Джека, сказала:

– Говорят, если пускаешь дым в лицо мужчине, значит, он тебе нравится. Как, по-твоему, Джеки, это верно?

Джек преувеличенно закашлялся и начал руками отгонять от себя дым.

– По-твоему выходит, если насрать кому-то на голову, значит, ты его по-настоящему любишь... – ответил он. – Кстати, как продвигается творчество самой богемной поэтессы в Питте?

– Стихи выскакивают как пулеметные очереди, – бодро ответила Касси. – Так несутся дикие жеребцы в брачный период.

– Сколько ты уже сочинила?

– Кто их считает?

Джек изобразил изумление:

– Полагаю, ты, Касси. По крайней мере, такие у меня сведения из надежных источников. Если только ты не врала, чтобы поинтересничать.

Касси наморщила нос – носик у нее был короткий, в веснушках.

– Терпеть не могу интересничать.

– Значит, правду говорят, – не унимался Джек, – когда напишешь пятьсот стихов, ты покончишь с собой?

– Если отвечу да, у тебя встанет?

– Я просто стараюсь отделить правду от обычного студенческого трепы. У нас столько болтают, нельзя доверять каждому. Правда, ты изучаешь английскую литературу, так что положение обязывает, как бы заключила договор с музами. – Джек замолчал в ожидании ответа.

– Иди-ка подрочи, Джеки, может, полегчает, – ответила Касси с деланным равнодушием.

– Значит, твой ответ «да». А если учесть римские цифры, мы придумали для тебя особое прозвище. Мы будем звать тебя Дэ. «Дэ» обозначает пятьсот. И заодно «дурь».

Чад внутренне сжался. Ему не хотелось, чтобы эта девочка думала, будто и он вместе с другими тайно обсуждает ее, повторяет сплетни, придумывает обидные прозвища.

– Мне нравится! – Дэ захлопала в ладоши. – Да, Дэ! Поддерживаю и одобряю. Ну а я буду звать тебя Джеки. Как Джеки Онассис. У тебя такие же широко поставленные глаза, как у нее, и печать трагедии, которую ты распространяешь на всех, кто тебя окружает. И когда я вернусь к себе в комнату, я напишу стихотворение о тебе, Джеки-о! Мой самый первый в жизни лимерик.

Джек уставился в потолок и сказал:

– С Джеки-о ничего не рифмуется.

– Ральф Мачио! – встрял с пола Марк. – Актер из «Малыша-каратиста».

– Нет, не то. – Дэ покачала головой и в порыве вдохновения принялась ломать пальцы. – Лимерик будет начинаться примерно так: «Жил Джек недалекий и грубый...»

Джолион постучал костяшками пальцев по прикроватной тумбочке:

– Лично я могу слушать вашу перепалку хоть всю ночь. И я точно знаю: Джек способен продолжать до бесконечности. Но сейчас настало время поговорить об Игре.

* * *

XXI. Рано утром я вижу чашку на тарелке для завтрака, в ней лежит спичка. За несколько минут мне удастся расшифровать мнемоник.

Чашка – чай. Спичка – пожар. Пожарная лестница!

Утром я выхожу завтракать на шаткую площадку пожарной лестницы, я чувствую себя туристом, который наслаждается вкусным завтраком в отпуске, пользуется редким случаем, когда можно неспешно и с удовольствием поесть в ожидании радости грядущего дня.

Сосед из дома напротив тоже завтракает на пожарной лестнице. У него есть шезлонг, в нем он сидит без носков, разгадывает кроссворд и пальцем подбирает крошки от круассана. И вдруг до меня доходит – так и я вел себя три года назад, до того, как задернул шторы и закрыл жалюзи. Мы с ним даже здоровались, если сидели на лестнице одновременно. Сосед замечает мой взгляд и наклоняет голову, как будто приятно удивлен моим появлением. А потом поднимает чашку. Я отвечаю тем же. Мы улыбаемся. Потом сосед снова углубляется в кроссворд. Я чувствую, как в мою грудь вливается новая сила.

Неожиданно мое настроение меняется. Я вспоминаю вчерашний сон. Нас снова было шестеро. По-моему, я уже много лет не видел во сне нас всех вместе.

Сны бывают грубыми и неумолимыми, они размыывают едва ощутимые оттенки «почему» и «для чего», лишают причинно-следственные связи их сложности. Во вчерашнем сне все происходит исключительно по моей вине, она тычет в меня пальцем в виде простой, тупой метафоры. Во сне я держу ружье и, защищаясь, нажимаю на спусковой крючок. Игра окончена.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.